

Теона Рэй

ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА
ОСОБОГО ПРОФИЛЯ-2
ТЕМНЫЙ ВРАГ

Целительница особого профиля

Теона Рэй

**Целительница особого
профиля. Темный враг**

«Автор»

2026

Рэй Т.

Целительница особого профиля. Темный враг / Т. Рэй —
«Автор», 2026 — (Целительница особого профиля)

Раньше я мечтала выйти замуж, завести детей и жить тихой, спокойной жизнью. Но судьба распорядилась иначе. В Логерделе всего две целительницы, умеющих лечить от проклятий, вот только нам запрещено это делать, а люди начинают умирать все чаще. Туманные твари питаются в этом городе, чернокнижники забирают души жителей, а сильнейшие мира закрывают на это глаза. Стражей, которые хотели спасти Логердель, ликвидировали. Мне предстоит возродить команду Сопротивления и найти способ убить моего темного врага. А еще исполнить свою мечту — создать семью с любимым человеком

© Рэй Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Теона Рэй

Целительница особого профиля. Темный враг

Глава 1

Рэм Бэйтон

Мантра «я люблю своих пациентов», мысленно произнесенная множество раз, не помогала. Я тер виски, мучаясь головной болью, и слушал, слушал, слушал

Немолодая сэйла Улиана Ромм была моей давнишней проблемой. Я не мог послать ее — она бы устроила скандал, я не был в силах убедить ее уйти по-хорошему — все равно случился бы скандал. Все, что мне оставалось, — примерно раз в месяц уделять ей около двух часов и стараться вести себя вежливо. В конце концов, она просто одинокая женщина, жаль только, не понимает, что отнимает время у действительно больных людей, которым нужна моя помощь.

Сэйла Ромм в этот раз принесла корзинку со сладостями: печенье, орехи в шоколаде, клюкву в сахаре. Когда-то давно у нее была своя лавка на окраине города, но потом погиб ее муж, и сэйла Ромм свихнулась. В прямом смысле слова — она сошла с ума. Лавка разорилась, товар остался, и вот уже который месяц я получаю в подарок огромное количество сладостей. Ей больше некуда их девать: ни внуков, ни детей у нее нет. Она жила своим мужем, поэтому даже друзей не заводила, говорила, что они ей ни к чему.

Но меня она записала в лучшие друзья после того, как на протяжении шестидесяти трех дней — а я запомнил каждый из них — я помогал ей прийти в себя после похорон сэйла Ромма.

Мне было ее жаль, но еще больше — жаль себя. Страдая, я был вынужден слушать ее, всячески пытаюсь развить в себе способности к телекинезу и силой мысли передвинуть стрелку часа на три. В три она уйдет — в три пятнадцать у нее спиритический сеанс, на них, как она утверждает, ей удастся побеседовать с духом мужа.

Сэйла Ромм кокетливо поправила вязаную розовую шапку с пушистым помпоном. Она считала, розовый идет к благородному оттенку ее кожи и зеленым глазам. Я никогда не спорил и не указывал ей на то, что ее фарфоровый цвет лица становится серее с каждым днем, а глаза никогда не были зелеными — всегда карими. И волосы черные как смоль, а не рыжие, какими она их видела теперь.

— Так, на чем я остановилась?

С негромким вздохом я отложил карточку сэйлы Ронны в отдельную стопку с карточками других беременных пациенток.

— На рассказе о вашей кошке, — напомнил я.

Кошки у сэйлы Ромм не было, но кого это волнует?

— Точно! — Улиана просияла. — Принесла дохлую мышь и положила мне в кровать. Я так на нее накричала, вы бы слышали! Доктор Бэйтон, пока я не забыла — выпишите мне рецепт на какое-нибудь успокоительное. Желательно, чтобы это была настоечка на травах. А то я ходила к одной знахарке, та отказалась выписать рецепт и пыталась продать мне что-то из своих запасов. А я что, дура? У нее ни лицензии на продажу, ни сертификата на препарат.

— У знахарок и не может быть сертификатов, сэйла Ромм. Они торгуют травами, обычными травами. Не скажу, что это плохо — даже наоборот, — но и растения могут быть ядовитыми. Вы поймете что-то не так, услышите не то, примете неправильную дозировку и умрете. В случае с лекарствами из аптеки такой риск исключен.

— Мышь была черной, — внезапно сказала сэйла Ромм, вытаращив глаза. — Вспомнила, точно, она была черной. А знаете почему?

В углу кабинета за своим столом хихикнула Дейна. Я укоризненно посмотрел на практикантку, та одними губами шепнула «простите» и уткнулась лицом в бумаги, продолжая хихикать. Дейна уже трижды становилась свидетельницей моей беседы с Улианой, и если в первую нашу встречу Дейна была шокирована поведением посетительницы, то потом привыкла. Я объяснил ей, что сэйле Ромм уже не помочь. К сожалению, такая травма нервной системы неизлечима.

В чем-то Улиана представляла собой настоящую героиню. Она вышла замуж за Фреда Ромма в восемнадцать лет, прожила с ним сорок три года, пять из которых он сильно болел. А когда Фред ушел, она так горевала, что лишилась рассудка. Что это, если не любовь? Благодаря Улиане я верил в настоящую любовь, и пусть эта женщина меня слегка раздражала, я все же был благодарен мирозданию за наше знакомство и терпеливо выслушивал весь бред, что она несла.

— Коврижки сухими получились, — вновь заговорила она, по обыкновению перескочив на другую тему. — Я вам принесу как-нибудь попробовать, да боюсь, что к тому времени они совсем испортятся. Масла хотела купить, так ни в одной лавке нет.

— Для чего масло? — спросил я, думая совсем не о коврижках.

Где носит Абигейл? Она должна была уже вернуться. Хоть бы ничего не случилось! Аби говорила, что души в нее вселяются только по ночам, но вдруг

— Так для блинов же! Говорю — я блины жарил, а они сухими вышли.

— А как же коврижки?

— Какие коврижки?

Дейна больше не могла сдерживаться и вылетела из кабинета с диким хохотом. Я только закатил глаза, а сэйла Ромм не обратила внимания на поведение медсестры.

Я принялся за сортировку карточек пациентов, которые не приходили больше двух лет, читал их имена и диагнозы. Сэйла Ромм перескочила с темы блинов на нашествие тварей. Повела мне, что она пряталась в подвале и потому выжила, а вот три ее соседки погибли. Я выразил соболезнования.

— Кошка тогда ко мне и прибилась, — сказала Улиана.

Я вскинул голову.

— Тошная такая, грязнущая и холодная. Я уж ее грела, грела, да что толку? Помрет, поди, скоро. Глаза навывкате и светятся, ну точно заразная. Но разве ж я могу ее на мороз выкинуть? Мою уж каждый день, а шерсть все равно жесткая и будто слипшаяся. Доктор, а вы кошек не лечите? Может, посмотрели бы ее, а?

— Лечу, — выпалил я, чувствуя, как где-то в животе зарождается ужас.

Холодных кошек не бывает. Сэйла Ромм сумасшедшая и могла выдумать питомца, но слишком уж подробно она его описывает.

— Зубы у кошки какие? — спросил я, молясь, чтобы Улиана просто пожала плечами.

— Вот такие. — Сэйла Ромм приставила к рту два указательных пальца, показывая их будто клыки.

Это нормально. У кошек острые клыки. Но — холодная?

Я встал, быстро накинул на плечи пальто. Впервые за долгое время мне было по-настоящему страшно, да так, что ладони вспотели. Убеждая себя, что нет никакой необходимости идти к Улиане домой, я вопреки здравому смыслу попросил ее отвести меня к кошке.

Глава 2

Абигейл Вирзор

В спальне сэйлы Гек будто сделалось темнее.

Элизия тронула мою руку.

— Он бы тебе не сказал, — произнесла она негромко. — Наше дело нужно хранить в секрете от всех, и только узнав, что ты тоже проклята, и к тому же серьезно страдаешь от этого, мы посоветались и решили, что ты не предашь. Ты ведь нас не предашь?

— Ни за что, — хрипло сказала я. — Доктор Бэйтон тоже проклят?..

— Нет, поэтому он с нами не пойдет. Твари поймают его еще на подходе. Ты и я уже прокляты, на Эми была метка, нас не заметят. Туманные твари чуют чистых людей, тех, кто не был связан с чернокнижником и не собирается этого делать, — то есть идет к землям черных магов не с целью подписать договор.

— И много вас таких?

— Таких? — переспросила Эми, приподняв брови.

— В команде, которая собирается пойти к черным магам. Эми, вы предлагали мне это так, словно только что это придумали.

— Нет, это придумала не я. Нас пока трое. Когда уничтожили всю команду Сопротивления, у меня и в мыслях не было повторить их опыт, но потом ко мне пришел доктор Бэйтон, и навещал снова и снова

— А еще он разозлился на вас за то, что вы подписали договор с черным магом! — перебила я Эми. — Почему? Он лгал мне? Говорил, что не станет спасать вас, потому что вы сами виноваты.

Эми улыбнулась уголками губ.

— У нас сложные отношения, Абигейл. Он действительно не знал, что я проклята. Его нетрудно понять: несколько месяцев мы готовились к созданию новой команды, подбирали кандидатов — нашли, правда, только Элизию, но это ненадолго, — а тут он вдруг узнает, что я сотрудничала с чернокнижником. Не берите в голову, ладно? Сейчас все в порядке, мы все обсудили, и он меня простил.

Рэм был страшно зол на нее. Не хотел мне помогать с Эми, но я вспомнила, как быстро он потом передумал. Словно взорвался от злости, когда узнал о причине ее проблем со здоровьем, но потом остыл. Я думала, у него неприязнь к проклятым по каким-то своим убеждениям, а оказалось вот как.

— Рэм Бэйтон, — продолжила Эми, — в студенческие годы подрабатывал охотником на чернокнижников. На такую работу шли в основном те, кому очень нужны были деньги, или те, кто желал пощекотать нервишки. Рэм был из первых. Ему стало нечем оплачивать учебу, и он подписал контракт на шесть лет. Работа опасная, но в каком-то смысле несложная. Команды снабжали охотников отравленными кинжалами, ключами, открывающими любые двери, показывали точку на карте, где видели черного мага, и отправляли их на захват. Убивать чернокнижников не желательно, нужно было привезти их в лагерь живыми, оттуда их уже под конвоем все из тех же охотников увозили в тюрьму на север. Рэм после службы оставил себе ключ, а друг Элизии — кинжал. Они оба отбыли наказание за это в тюрьме, после чего оказались здесь С помощью кинжала можно обездвигить черного мага, но не убить.

— Чтобы убить — нужен яд, а приготовить его не так-то просто, — сказала Элизия. — Есть карта клочка земли черных магов, ключ, кинжал, но нет яда. Мы не совсем готовы, поэтому завтра отправимся только на разведку.

Я почти не дышала, вздернутые брови не опускались. Сказать, что женщины меня ошарашили, — ничего не сказать.

— А Рэм? Мне можно с ним обсудить как-то

— У нас будет собрание рано утром, он пригласит тебя. Но вообще да, Рэм знает, что мы введем тебя в курс дела. Правда, он планировал сообщить все это завтра на собрании, но ты встретила меня на улице, и я подумала — чего откладывать? Все довольно серьезно, Абигейл, и если ты откажешься, мы пойдем. Предыдущую команду власти отправили в горы на разведку за большие деньги, но, конечно, они знали, что никому платить не придется, потому что там их всех убьют. Они приглашали целителя из столицы, чтобы тот проверил всех на наличие проклятий, дабы убедиться, что никто не пройдет мимо тварей незамеченным.

— Оливер догадался об этом первым. — Эми грустно хмыкнула. — Он ушел вслед за братом, зная, что погибнет. Верил в спасение, правда, но совсем немного. Надеялся, что сумеет спасти и себя, и Терта. Как видишь, никого из них тут нет. Мертвыми их не признают — тел не нашли или не искали вовсе. Город знает о вылазке стражников в горы, мэр утверждает, что они ушли надолго и поэтому их все еще нет, но — Эми вздохнула, опустила увлажнившиеся глаза. — Я больше никогда не увижу Оливера, я это чувствую. Нашему Сопротивлению полгода, а мы все еще не готовы. Да, Оливер потратил пятнадцать лет своей жизни на сбор информации, и она сейчас вся у нас на руках, но легче от этого не становится.

Я дотянулась до нескольких документов, почти не вчитываясь пробежала глазами по тексту.

— Что полезного здесь есть?

— Да почти все, но это касается в основном правителей. Оливер собрал множество доказательств того, что триста девяносто три года назад между нашим миром и миром чернокнижников был подписан договор о неприкосновенности. Их твари не трогают нас, а мы — отдаем им Логердель, где они могут спокойно питаться. Заявить об этом не было возможности, и нет до сих пор, но мы надеемся, что однажды сумеем это сделать. Сейчас для нас главное — освободить всех тех, кого проклял Дамиан. Оливер и его команда выяснили, что почти все проклятые в этом городе подписывали договор именно с ним.

— Их тьма, — тихо проговорила Элизия. — Проклятых в Логерделе — тьма. Не десять, не двадцать, а несколько сотен человек. Я уже говорила тебе, что пыталась спасти их, но увы. Дамиан запретил мне.

— Меня он собирался оставить без конечностей, а чем угрожал тебе?

— Дамиан намекнул, что если я не прекращу свою деятельность, то мне нечем будет лечить. Я так понимаю, тоже хотел лишиться рук.

— Я прошу прощения, — Эми снова улыбнулась, — мы не могли бы перенести нашу встречу на завтра? Меня все время клонит в сон, и я бы хотела отдохнуть.

Мы попрощались с ней, уделили несколько минут общению с Сильвой и вышли из дома. Элизия отправилась по журналистским делам — сказала, на заводе бунт из-за низкой зарплаты, и ей нужно написать об этом статью. Мне удалось поймать свободную повозку, но чуда не произошло — как только она завернула за угол, тут же застряла в сугробе. Возничий извинился, взял с меня геллер за проезд на расстояние двух метров, и до больницы я добиралась пешком.

Уже у входа я сунула руку в карман пальто, вытащила холщовый кошелек и высыпала на ладонь несколько монет — все свои деньги. На какое-то время хватит. Смотря что можно теперь найти в лавке, ведь ассортимент быстро тает.

Я, конечно, не собиралась тратить все финансы на ужины для двоих, да и была уверена, что Рэм внесет свой вклад в закупку продуктов, но тем не менее деньги скоро кончатся. Жалование должны выплатить со дня на день, но выплатят ли?

Размышляя о поджидающей меня нищете, я шагнула в теплый приемный покой. Дейна сутилась возле сидящих на скамейке посетителей, по очереди высыпала им в ладони какие-то таблетки из темной баночки. Заметив меня, практикантка приветственно качнула головой.

— Сэйла Дирт, — твердым голосом обратилась она к одной из старушек, — не вздумайте пропускать прием лекарств, как вы обычно это делаете, ладно? Жаль, что некому вас проконтролировать, но давайте-ка я возьму с вас обещание.

— Клянусь своей совой, — округлив глаза, произнесла старушка. — Я буду пить по таблетке в день!

— Каждый день, сэйла Дирт, а не как придется.

Получив лекарства, престарелая сэйла ушла, а вслед за ней и другие. Дейна высыпала семь таблеток в руку юной девушки, та поблагодарила ее и тоже вышла на улицу.

— Что это ты им даешь? — заинтересовалась я. Я впервые видела, чтобы таблетки раздавали вот так, без какой-либо упаковки, да еще и всем одинаковые.

— Противопростудные. Бумажные пакетики закончились, я решила раздавать прямо так. Доктор Бэйтон предупреждал, что к концу ноября люди станут приходить за лекарствами, но у меня это совсем вылетело из головы. Таблетки хранятся в баночках, а баночки в больших коробках. На складе два стеллажа ими забиты, так что думаю, хватит всем. Люди должны пить их ежедневно, пока не наступит теплый сезон. Кстати, на вот. — Практикантка взяла мою руку в свою, положила мне на ладонь полупустую баночку. — Тоже пей. Уж не знаю, из чего они и как помогают, но доктор Бэйтон сказал, что на Севере они необходимы.

— Почему бы не выдать посетителям по банке?

— Не знаю, но доктор Бэйтон запретил — только по семь штук на человека. Поможешь мне в кабинете? Доктор куда-то ушел, не знаю, когда вернется. Нам осталось разобрать карточки за четыре тысячи пятьсот девяносто первый год, и на этом все. Набралось уже несколько коробок, все они в подвальном помещении.

В кабинете я сбросила пальто, собрала волосы в небрежный пучок и села за стол. Дейна притащила коробку с карточками, поставила ее на стол между нами, и мы принялись за работу.

— Сэйла Верн совсем плоха, — сказала Дейна между делом. — Боюсь, сегодня ночью она уйдет.

Я прогнала возникшую в груди боль. Надо помнить — я сделала все, что было в моих силах. К тому же сэйла Юсилия Верн уже довольно стара, она прожила хорошую, долгую жизнь. Да, умирает от проклятия, и ее душа навсегда будет принадлежать темному миру черных магов, но моей вины в этом нет. Зачем она подписала договор? Что ей было нужно? Юсилия не просила ни слуха, ни зрения, ни здоровья — иначе почему она все так же ничего не видит и не слышит? Значит, просила за кого-то другого. За мужа?

Я прочла имя пациента в карточке, отложила к стопке с другими на букву «А».

Надо бы поговорить с Дитто Верном, узнать у него, не случилось ли в последнее время чего-то странного. Может быть, он внезапно разбогател или стал лучше себя чувствовать?

— Шахтер с разбитым лицом, — продолжила Дейна, — готов к выписке. Я жду доктора Бэйтона, чтобы сообщить ему об этом. Ума не приложу, куда этому мужчине идти — его бригада покинула город, стражи, охранявшие их, вернулись в свои башни, а поезд придет еще нескоро. Наверное, придется его пока не выписывать, пусть остается в больнице. Вообще-то он уже начал жаловаться, что утомился лежать без дела.

— Спросим совета начальника, — согласилась я, кивнув.

У меня в руках оказалась карточка мертвеца. Я глянула на даты: год рождения — четыре тысячи тридцатый, год смерти — четыре тысячи девяносто первый.

— Это тоже в архив? — спросила я неуверенно.

Дейна вскинула голову, посмотрела на информацию о пациенте.

— Нет, можно выбросить. Оставляем карты только тех людей, которые еще могут прийти за медицинской помощью. Этот уже не придет.

К концу разбора коробки таких мертвецов набралось тринадцать штук. Семеро из них были не слишком старыми, среди них был даже один младенец. Мое настроение скатилось до

нуля: меня всегда печалило, когда кто-то уходил из жизни раньше, чем заведено природой. Неправильно это как-то.

Время близилось к семи вечера, через несколько минут город опустеет — жители запрут в домах, закроют ставни и задернут шторы. На улицах погасят почти все фонари, и кроме пьянчуг и мальчишек-посыльных на дорогах уже никого будет не встретить.

У меня заныло сердце, когда я вспомнила о сиротах, вынужденных работать по ночам, да еще в такую погоду. Когда тепло и дороги чистые, не засыпанные снегом, еще куда ни шло — страшно, но можно убежать. А куда убежишь по льду и сугробам? Не приведи Всевышний еще метель начнется.

Дейна отложила последнюю карту, потянулась до хруста суставов.

— Отнесем вниз, и на сегодня хватит. Думаю, доктор Бэйтон не придет, наверное, на вызовах или уже дома.

«А дома бардак» — вспомнила я кучу ковров у входной двери. Постельное и шторы все еще в стирке, полы голые. Никакого уюта.

Мы с Дейной отнесли в пыльный, темный подвал все карты, рассовали на полки по алфавиту. Практикантка счастливо выдохнула:

— Мы месяц этим занимались! Как я рада, что бумажная работа наконец кончилась. А ты не ходила к Малире? Как у нее дела?

Я вкратце поведала Дейне о ее подруге, и Дейна успокоилась. Малира жила в хорошем доме, не была нагружена работой слишком сильно. О такой практике можно только мечтать.

Так как палата и комната для практикантов были заняты пострадавшими во время нашего тварей, мне негде было лечь спать, чтобы не идти домой по темноте в одиночестве. Дейна уже привыкла ночевать в кабинете на диванчике, не слишком удобно, но выбора не было.

Пока она расстилала постель, умывалась и переодевалась ко сну, я выпила чашку лимонного чая. Собиралась с духом, поглядывая в окно — мне правда нужно идти по такой погоде домой? Почему доктор Бэйтон не забрал меня? На него это не было похоже. Мы мало знакомы, но я уверена, не в его правилах бросать какую бы то ни было девушку совсем одну. Он знает, что в больнице ночевать негде, значит, я не могу тут остаться. Может, еще слишком рано? Время всего семь часов вечера, в такой час больница обычно работает, но работы на сегодня уже не осталось, а Дейна слишком устала, чтобы заняться чем-то еще, кроме как лечь спать.

Практикантка залезла в постель, накрылась одеялом и взяла в руки книгу в яркой желтой обложке. Я видела, как слипались ее глаза, и решила, что мне пора уходить.

— Не стоит, наверное, — нахмурилась Дейна. — Слушай Диван узкий, но нам хватит места.

Она отодвинулась к стене, свободными остались всего сантиметров пятнадцать.

— Мне недалеко идти, не волнуйся. Всего-то через дорогу.

Дейна кивнула. Она думала, я живу в общежитии. По-хорошему, мне следовало так и поступить — остаться на ночь в общежитии, а не тащиться по городу в дом Рэма. Потом я вспомнила, что ключи от комнатки оставила у Рэма, и вариантов больше не осталось.

Но где сам Рэм? Этот вопрос мучил меня всю дорогу.

Глава 3

Я бежала ровно по центру дороги — их замело от обочин, а в середине можно было не проваливаться по самый пояс. Снег набился в сапоги, чулки промокли, и пальцы на ногах начали замерзать. Вспомнив, как совсем недавно я едва не замерзла насмерть, я припустила еще быстрее. В темноте сложно было разобрать дорогу, но, к счастью, я завернула на освещенную улицу. Снежинки маленькими вихрями кружились в свете фонаря, летели мне в лицо и за шиворот.

Увидеть туман в такую погоду практически невозможно, отчего я еще больше стала переживать за мальчиков-посыльных. За себя я не волновалась.

Мне посчастливилось добраться до дома без приключений. Кое-как перебравшись через забор, я скатилась с сугроба к двери. Только бы не выронить ключ! Отыскать его в темноте — та еще задачка.

В окнах не горел свет. В груди нарастало волнение, пока я отпирала дверь. Заскочила внутрь, захлопнула дверь, мгновение подумав, заперла. Рэм, если он не дома, постучит. Лучше он подождет минуту, пока я ему открою, чем в дом ворвутся туманные твари.

Я скинула сапоги, пальто, отнесла все к камину на кресла, чтобы подсохли. Разжечь камин не составляло труда, поленица была полна, и тут же лежали длинные спички. Когда огонь затрещал, я поднялась на второй этаж, разожгла камин в спальне у меня и у Рэма. Ко сну комнаты нагреются.

Часы показывали без пятнадцати девять. Рэм обещал, даже клялся, что не оставит меня на ночь совсем одну. Он прибил к кровати крепкие ремни с тяжелыми пряжками и помогал мне их затягивать на руках и ногах на время сна. К десяти мне пора отправляться в постель, может быть, к тому времени Рэм придет?

Он просто задержался на вызове, вот и все. Я же знаю, как тяжела его работа, самой не раз приходилось ездить с ним.

Я успела приготовить скромный ужин: снова гречневые котлеты и похлебку без мяса. Наелась, а порции Рэма оставила на теплой плите, чтобы не остыли.

Часы пробили половину одиннадцатого. Мое волнение переходило в панику. Я попытаюсь затянуть ремни сама и буду надеяться, что этой ночью в меня никто не вселится. Но где Рэм? Что, если с ним что-то случилось?!

Рэм Бэйтон

Я не рассчитывал тратить слишком много времени на осмотр кошки сэйлы Ромм, поэтому поторапливал старушку, где это было возможно. На некоторых участках дороги мне приходилось брать ее на руки и переносить через заносы. Улиана кряхтела, но не спорила.

Она жила в небольшой квартирке на первом этаже, в доме, где кроме нее больше никого не было. Это здание еще весной признали аварийным и расселили жильцов, а сэйла Ромм наотрез отказалась выезжать. Кричала: «Я здесь родилась, здесь и умру». Справедливости ради — Улиана родилась и провела первые годы детства на юге, а сюда приехала с родителями, когда ей стукнуло двенадцать. Я давно перестал обращать внимание на ее выходки.

Электричество и воду в доме отключили в надежде, что сэйла Ромм хотя бы так согласится принять новое жилье, но не тут-то было.

— Заходите-ка, только ноги отряхните, — сказала Улиана, отпирая дверь.

В квартире плохо пахло, повсюду валялись разбросанные вещи. В раковине лежала гора посуды, а в тазу, стоящем рядом, плесневела мыльная вода с какими-то тряпками. Я разулся, ничуть не беспокоясь о чистоте носков: и не в таких условиях приходилось бывать у пациентов без обуви.

— Вы говорили, во время нашего тварей погибли три ваших соседки. Кто они?

— Да вон там они жили после переселения, — махнула она рукой на окно, за которым виднелось новое двухэтажное здание. — У меня-то тут подвал есть, а у них нет. Не зря я переезжать не стала, как чуяла!

Сэйла Ромм прошаркала к кухонной зоне, указала мне на старенький промятый диван.

— Садитесь.

— А где кошка? — любопытствовал я.

— В спальне, наверное, в шкафу прячется. Любит она там спать.

— Позвольте взглянуть?

Улиана грохнула чайник на плиту.

— Не стоит ее будить. Выпьем чаю, она как раз явится, уж поверьте. Киса гостей любит, ни одного еще не отпускала просто так.

Я устроился на диване, отмечая про себя, какой жуткий холод в квартире. Отопления, конечно, тоже нет: в кочегарке некому работать, раз дом аварийный.

— Сэйла Ромм, вы так и не передумали насчет переезда?

— Даже мысли не допускаю.

— Но холодно ведь. Во многих квартирах бывают камин, в вашей же даже камин нет. А воду где берете?

— Сейчас снег топлю, летом на колонку ходила. Все у меня хорошо, не беспокойтесь.

Я не стал развивать эту тему, неоднократно пытался. Ответ один: «Никуда я отсюда не перееду». Чайник засвистел. Улиана разлила кипяток по чашкам и предложила одну мне. Я хотел спросить, не забыла ли она про чайные листья, но передумал. Мне хотелось поскорее дожидаться, когда киса проснется, убедиться, что это настоящая, самая обычная кошка, и уйти. Абигейл наверняка уже в больнице, а вечером мы должны вместе отправиться домой. Я больше не оставляю ее ни на одну ночь, буду присматривать, пока требуется.

Абигейл

Метель грохотала черепицей на крыше, скрипела ставнями, засыпала окна по самый верх. Я прошлась по дому, закрыла ставни, чтобы избавить себя от пугающих звуков со всех сторон, и стало чуть спокойнее. Теперь вой непогоды слышался будто издалека.

Часы пробили два часа ночи. Я больше не могла ждать: меня клонило в сон. Долго выбирала, где лечь: в спальне наверху или внизу в гостиной? В спальне я как-нибудь привяжу себя, но тогда я не услышу, когда Рэм будет стучать в двери. Если лечь в гостиной, то мне нечем будет обезопаситься.

Может, никто в меня и не вселится. Мы с Дамианом договорились, он больше не заинтересован в том, чтобы пугать меня лишним раз, а по нашему первому договору он может вселять в меня души всего несколько раз в год. Неизвестно, правда, когда случится в следующий раз, и эта неизвестность многие годы пугала меня сильнее всего.

Я устроилась в гостиной. Притащила вниз простыню, одеяло и подушки, застелила диван. На кофейном столике установила свечу в старинном позолоченном канделябре — одна из тех многочисленных безделушек, которые, очевидно, остались от Делии. Заварила травяного чаю, в стеллаже взяла первую попавшуюся книгу и легла.

Беспокоиться было не о чем. Так я убеждала себя. Рэм, скорее всего, принимает тяжелые роды. Такое ведь бывает? Я знаю, что женщины рожают иногда целые сутки, но обязан ли доктор находиться рядом с ними все это время? Наверное, да. Иначе у меня нет никаких догадок, куда мог пропасть Рэм.

Порывы ветра не переставали гроыхать черепицей. Я каждый раз подскакивала, прислушивалась — не в дверь ли стучат? Но ближе к утру сон меня все-таки сморил.

Проснулась я рано. Первым делом выглянула за дверь и, хотя я до этого не умела свистеть, вдруг присвистнула. Город оказался в снежном плену, не иначе. Передо мной стояла твердая стена из снега. Я неверяще коснулась ее рукой, притащила табурет и выглянула поверх сугроба — забора больше не видать, проезжая дорога занесена так, что нет никаких шансов увидеть ее расчищенной до самой весны.

По сугробам ползли люди. В прямом смысле слова ползли. Какая-то женщина перебиралась на животе, волочила за собой полную сумку. Рядом с ней на четвереньках стоял мужчина. Он вытер лицо, поднял обреченный взгляд к небу.

— Вы на работу? — крикнула я ему. — Доброе утро!

Мужчина заозирался по сторонам, заметил меня и улыбнулся.

— Да на какую работу! — Он фыркнул. — К матери иду, ее дом наверняка так же занесло.

Я пожелала ему удачи и закрыла дверь. Мне, выросшей на юге, эта зима казалась суровой. Местные, наверное, привыкли к подобному, а вот я была совсем не готова. Впрочем, в больницу мне нужно — Рэм мог отправиться туда сразу после вызова, учитывая состояние дорог.

Я наспех выпила чаю, позавтракала вчерашними нетронутыми котлетами и начала собираться. В спальне была гардеробная комнатка, полная женской одежды. Я несколько минут ходила вокруг да около, поглядывала на свои скудные запасы теплой одежды — точнее, почти полное ее отсутствие, — потом перебирала накидки и сапоги чужой женщины. Все это принадлежало Делии, и теперь оно ей больше не нужно. Но как отреагирует Рэм, когда увидит меня в одном из ее пальто? По-хорошему, сначала надо спросить разрешения у него. Однако в своих сапожках я отморожу себе ноги, да и мое пальто, недавно купленное, оказалось недостаточно теплым для такой зимы.

Ладно, как-нибудь объяснюсь, если у начальника возникнут вопросы. Я выбрала подбитые мехом сапоги с высоким голенищем, теплые штаны с начесом, шерстяную юбку и пушистую белоснежную кофточку. Верхней одежды было не счесть: несколько шуб, накидок на все сезоны, осенние и зимние пальто и даже расшитая золотистыми нитями мантия. Увидев последнее, я хмыкнула. Делия и впрямь любила роскошь.

Вся ее одежда была еще новой, возможно, ни разу не надеванной. Она купила ее, когда получила богатство от чернокнижника — я в этом уверена. Если вспомнить, что Делия родилась в нищей семье, а Рэм совсем не богат, то разжиться деньгами она могла, только подписав договор. Потом умерла, оставив никому не нужные тряпки.

— Мне нужные, — пробормотала я, разглядывая себя в зеркале.

Я выбралась через окно второго этажа — выпрыгнула в сугроб. Обеспокоенно взглянула на болтающуюся створку — если вновь пойдет снег, то комнату занесет. Но другого выхода у меня не было: через дверь не выйти. Разве что встать на табурет и как-нибудь выбраться поверх сугроба, но тогда весь этот снег окажется в гостиной, и дверь закрыть я бы уже не сумела.

На дорогу ушло около часа. Оказалось, наступать на снег не выходит — ноги тут же проваливались. Я, как и еще несколько горожан, просто ползла. Уму непостижимо, как всего за одну ночь могло столько наместить! Не совсем за одну, конечно, снегопад длился уже несколько дней, но тем не менее. Не иначе как проделки черных магов. К отсутствию продуктов питания и лекарств добавилась проблема с дорогами. Если засветло еще как-то можно передвигаться, то о возвращении домой по темноте не могло быть и речи. Не то что от туманной твари не убежишь или от самого тумана, а в принципе дорогу домой не найдешь.

В больнице ожидаемо не оказалось никого из посетителей. Здоровые почти не приходят, а больным по такой погоде не добраться. Зато в приемном покое на скамейке сидели четверо мальчишек.

— Мы записки принесли, а передать некому, — сказал один. Весь усыпанный веснушками, с черными как уголь глазами. — Ваша помощница убежала там со старухой возиться.

— Давайте мне. — Я протянула руку. Мальчишки вложили в нее записки, попрощались и ушли.

Рэма, значит, все еще нет. Или уже снова нет?

Я отряхнулась от снега, сняла пальто, промокшие штаны и юбку, надела форменное платье. Дейну нашла в стационаре у постели сэйлы Верн в компании с Дитто Верном. Муж старушки беззвучно рыдал, Дейна гладила его по спине. Юсилия Верн смотрела в потолок остекленевшим, безжизненным взглядом.

Глава 4

Несколько минут я стояла у двери, не решаясь войти, а потом Дейна меня заметила и попросила пройти с ней в кабинет.

— Что нам делать, Абигейл? — Она заламывала руки, с тревогой глядя мне в глаза. — Я еще никогда не помогала с похоронами и вообще не понимаю, что в таких случаях делать! Время смерти я записала, как положено, но что дальше? У вдовца нет ни друзей, ни родственников, у покойной тоже.

Доктора не помогают хоронить пациентов, это я и без специального медицинского образования знала. Но я тоже была в растерянности — мы с Дейной вдвоем, у Дитто Верна никого нет, и Рэма тоже нет.

Я машинально потрепала Дейну по плечу.

— Понятия не имею, — выпалила я со вздохом. — Отправим посыльного в похоронное бюро?

— Да отправляли уже. Сэйла Верн скончалась в четыре часа утра, я рискнула и вышла на улицу, нашла мальчишку, послала его за Дитто Верном. Мы здесь уже два часа и ничего еще не решили. В похоронном бюро сказали, максимум, что они могут предложить — поддержать тело у себя в спецкомнате для мертвых до тех пор, пока снег не растает. Говорят, мало того, что земля промерзшая, так еще и кладбище завалило по самый верх. Даже многие склепы под сугробами!

— Но раз они могут забрать тело, то

— Ничего не выйдет. Дитто как раскричался, как начал рыдать. В общем, не отдаст он жену. Собрался сам идти могилу копать. Он верит в какие-то древние предания, сказал, что тело должно быть похоронено не позже чем через три дня. Я так устала с ним за это утро! Ты сама попробуй убедить глубоко влюбленного старика, с ума сойти можно!

Нельзя же вот так просто оставить мертвую женщину в стационаре. Ее нужно было куда-то деть, и единственный вариант — убедить вдовца.

— А доктор Бэйтон приходил?

— Нет. — Дейна подняла на меня глаза. — Подожди Ты тоже его еще не видела?

— Не видела.

— О, черт, я думала, вы на вызов с ранья отправились! Доктора Бэйтона нет в больнице со вчерашнего обеда. Он при мне говорил с сэйлой Ромм, ушел с ней же, чтобы осмотреть ее кошку. Я сильно в их беседу не вникала, но с тех пор он еще не возвращался.

Кто такая эта сэйла Ромм? В груди заворочалась ревность. Я тряхнула головой, прогоняя навязчивые мысли о Рэме — загулял с девушкой, что тут удивительного? В конце концов, я сама хотела, чтобы у него появился хоть один выходной день. Вот, он его устроил. Но что за глупая причина? Кошку осмотреть! Когда это доктор Бэйтон научился ветеринарии?

Невольно, от злости, я грохнула дверью в палату. Больные, которые не спали, глянули в мою сторону с удивлением.

— Простите, — буркнула я, виновато улыбнувшись. — Сэйл Верн?

— Мусю надо похоронить. — Дитто всхлипнул, поднял голову. В тусклых глазах блестели слезы. — Знаю, о чем вам медсестричка толковала, да только я не согласен. Вы не заберете ее у меня и не положите в холодную комнату. Тело должно быть в земле, и точка.

— Дорогой сэйл, — я присела перед ним на корточки, совсем как перед ребенком, — у меня на днях умер отец, я понимаю вашу боль. Мне не удалось побывать даже на его похоронах, не говоря уже о том, чтобы провести с ним его последние дни. Я сейчас не пытаюсь выставить свое горе сильнее вашего, я лишь хочу сказать, что не все от нас зависит. Понимаете? Ваша супруга будет похоронена сразу же, как только снег чуть-чуть растает. Сейчас нет физи-

ческой возможности раскопать тропинку и выкопать могилу. Да вы и сами как сюда добрались, неужели не по сугробу?

— По сугробу. — Дитто вытащил платок из кармана трясущейся рукой, вытер мокрое лицо. — Я не могу ее предать. Она не должна лежать не пойми где не пойми сколько времени.

— У нас нет другого выхода. Вот вы собрались копать, а как? Вам не хватит сил, к тому же на улице очень холодно. Даже если вам станет помогать вся рабочая группа похоронного бюро, вряд ли удастся углубиться хоть на полметра в землю.

Он молчал, утирал слезы. Его свободная рука покоилась на плече жены.

— Не могу, — прошептал сэйл Верн. — Любили ли вы когда-нибудь так сильно, что своя жизнь становилась незначительной рядом с жизнью любимого человека? Мне все равно, что со мной станет, пусть даже замерзну. Без Муси мне ничего не нужно, и домой я возвращаться не хочу. Я так ждал ее, вы обещали помочь, и я верил, что вы справитесь

— Мне жаль, — прошептала я, сглотнув вставший в горле ком. Он из-за меня страдает. Я не закопала миску с проклятием, если бы я это сделала, то Дамиан не вернул бы проклятие сэйле Верн. Преподаватель всегда говорил, что первым делом отравляющие нити нужно предать земле и уже потом заниматься всем остальным. Я этого не сделала. — Ваша супруга — А стоит ли говорить ему? Впрочем, хуже ему уже не будет. — Сэйл Верн, выслушайте внимательно, хорошо?

Я вкратце поведала ему о проклятиях, целителях, черных магах. Наверняка Дитто все это и без меня знал. Потом я сообщила ему о Юсии и о ее договоре с чернокнижником.

Дитто Верн стиснул платок в руке. Морщины на его лице словно разгладились, глаза высохли.

— Муся? — пробормотал он. — Что же ты наделала? Зачем? Я бы и сам сам бы смог

— Что смогли, сэйл Верн? Скажите мне, я должна понять, из-за чего и как пострадала ваша супруга.

— Я под лед провалился. — Голос старика сделался хриплым. — Заболел сильно, у меня жар был, лихорадка. Последние дни болезни уже и не помню, но вдруг резко выздоровел. Лечить меня было некому, только раз в день приходила девица, которая в этой больнице работала Где она сейчас? Малира, кажется.

Я нахмурилась. Малира ходила к сэйлу Верну?

— Давно это было?

— Да вот же, в начале осени. Тогда всего на несколько дней озеро застыло, ну я на рыбалку отправился, не вытерпел. Лед крепким был, да и не уходил я далеко вглубь Приходила ко мне ваша медсестричка, за Мусей приглядывала, но и она не смогла бы меня вылечить. А оно вон как значит, Муся меня спасла.

Дитто наклонился к телу жены, коснулся губами ее лба.

Меня обуяла гнетущая тоска. Я представила себе супружескую жизнь этих старичков, все семьдесят пять лет. Они были еще молоды, когда поженились, прошли через десятилетия рука об руку. Сколько всего они вместе пережили? И вот теперь Дитто лишился своей половины. Это страшно, по-настоящему страшно — остаться совсем одному в конце своего века.

Как помочь ему, что сделать?

Не особо раздумывая, я переоделась в мокрую от снега одежду и вышла на улицу. До похоронного бюро, если я правильно помнила, всего несколько поворотов. Я должна убедить их выкопать могилу, пусть хоть эта малость порадует Дитто Верна.

Щурясь от внезапно выглянувшего солнца, я вытащила из кармана записки, которые принесли посыльные, раздумывая, не смогу ли зайти к кому-то по пути. Усмехнулась — зайти! Заползти уж скорее.

В первой сообщали, что некая сэйла вот-вот собирается рожать, со дня на день. Я отметила для себя, что роды принимать придется именно мне. Вообще-то мы с Элизией сегодня

собирались выйти в «поход» до Логердельских гор, но куда мы отправимся в такую погоду? Она и сама это, видимо, поняла. Обещанного собрания утром тоже не было: Рэм домой не явился

Я нахмурилась, взглянув на вторую записку. Она была от Элизии.

«Собрание в девять часов утра. Не опаздывай. На нем мы решим, во сколько выдвинемся в путь. Судя по заносам, нам следует обсудить план нашей вылазки — отличный от того, что был придуман мною ранее. Шлю тебе эту записку на случай, если Рэм уже на работе. Жду тебя по адресу: Восточный переулок, дом номер пять. Постучи в дверь, ведущую в подвал».

Она не передумала. Что за сила духа в этой женщине? Не боится сгинуть в сугробах или попасть под лавину?

Чертыхнувшись, я не стала читать остальные записки, отложила их до возвращения в больницу.

Престарелый гробовщик смотрел на меня с толикой снисхождения, как на человека, который сам не ведает, что несет.

— Он не даст вам хранить супругу в холодной комнате. Пожалуйста, сделайте что-нибудь, — умоляюще произнесла я. — Нельзя оставлять покойную в палате, и нельзя привезти ее сюда до самой весны.

— Копать промерзлую землю вы будете? — Гробовщик недовольно поморщился.

— Сэйл Верн грозится сам это делать, но он уже стар! Если он возьмется за лопату, то у вас будет работа уже не для одного покойника, а для двоих. Прошу вас, ну должны же быть какие-то варианты? Неужели у вас никогда не случалось такого, что приходилось хоронить человека зимой?

— Зимой — постоянно. Но вы вроде не слепая и не могли не видеть того, что происходит на улице.

Из-за шторы, отделяющей небольшой коридор похоронного бюро от другой комнаты, кто-то вклинился в наш разговор:

— Если найдете пятерых крепких мужчин, готовых копать, можете на нас рассчитывать — мы поможем. Нет — значит нет. И плата за наши услуги втрое выше, чем обычно.

Большого я от них добиться не сумела бы. Надеюсь, у сэйла Верна достаточно денег, чтобы заплатить и гробовщикам, и еще пятерым добровольцам. Я спросила, как найти дом по адресу из записки от Элизии, мужчина объяснил мне, куда идти, и я отправилась на собрание, надеясь, что Рэм уже там. Если он и на собрание не явился, то следует искать у его у той сэйлы Ромм. Я начинала сомневаться, что доктор Бэйтон загулял. Мы не слишком близко знакомы, но я уже поняла, что не в привычках Рэма оставлять рабочее место так надолго.

Нужный мне дом оказался нежилым. В окнах были выбиты стекла, фасад облупился, входная дверь, наполовину занесенная снегом, болталась на одной петле. Следы от ботинок вели по сугробу к одному из окон — получается, и мне нужно было попасть внутрь именно так.

В полумраке подъезда я с трудом разглядела дверь в подвал, поспешила к ней. Налипший на одежду снег таял, холод пробирал до костей. Я дрожала, и единственным желанием было выпить горячего чая, сидя у огня. Ни о каком огне и чае речи быть не могло — Элизия впустила меня в подвал, в котором было еще холоднее, чем на улице, а единственным источником света оказалась масляная лампа.

— Продрогла? — спросила журналистка, сняла с себя толстое одеяло и накинула мне на плечи. — Я принесла его сюда еще на прошлом собрании. А где Рэм?

— Не знаю, — честно ответила я, ища взглядом, куда бы сесть. В пустом помещении не было мебели, не считая одноногой скамейки — на ней сидеть не получится. — Его никто не видел со вчерашнего обеда.

— Как — не видел? Абигейл? И ты только сейчас об этом говоришь?

В ее голосе звучала такая тревога, что я растерялась.

— Выходной, наверное, — предположила я снова, хотя уже и сама себе не верила.

— Да какой выходной? — Элизия ахнула. — Он никогда не отдыхает, никогда! Мы готовимся к походу в земли чернокнижников, и тут Рэм пропадает. Где его видели в последний раз?

— Дейна, его практикантка, сказала, что он ушел с сэйлой Ромм осмотреть ее кошку.

— Где живет эта сэйла Ромм?

— Не знаю, но в больнице должна быть ее карточка наверное.

Не успела я согреться, как снова оказалась на улице. Элизия бодро вылезла через окно и с невероятной ловкостью преодолела сугроб, а я кое-как потащилась за ней. Не так-то близко до больницы, я чувствовала, что передвигаться по зимнему городу становится все труднее.

В больнице я передала сэйлу Верну слова гробовщиков, потом попросила Дейну помочь мне найти карточку сэйлы Ромм. Мы выяснили ее адрес, и Элизия снова довольно шустро отправилась в дорогу. Благо снег подмерз еще больше, и теперь мы уже не проваливались в него через каждый шаг.

Рэм Бэйтон

Я не хотел показаться невежливым, а потому отпил глоток кипятка, который сэйла Ромм называла чаем. Она села напротив меня в кресло, обхватила свою чашку обеими руками и уставилась в одну точку. С ней такое случалось и в моем кабинете, когда она приходила. Сэйла Ромм могла сидеть с отсутствующим видом несколько минут, а потом внезапно начинала говорить, но так, словно продолжает диалог. Вот и сейчас случилось так же.

— С чего вы это взяли?

Я, привычный к ее странностям, спокойно уточнил:

— Вы о чем?

— Ну, вы говорили, будто эта зима никогда не закончится. С чего вы взяли, что не закончится? Весна всегда наступает в сентябре.

— В марте, сэйла Ромм, — поправил я ее. — По календарю — в марте. По погоде — ближе к маю.

— Пейте чай, — пробурчала она и сама приложила к чашке, но не сделала ни глотка — я заметил, что она не размыкала губ.

Мне становилось все холоднее, все-таки сказывалось отсутствие приличного отопления, так что я был не против отогреться горячей водой. Она быстро остывала. Я выпил сразу половину.

Зря я это сделал. И зря не встревожился из-за необычного привкуса воды — решил, что сэйла Ромм растопила снег. Чуть сладковатая вода — она содержала в себе гранулы снотворного, которое я же и выписывал сэйле Ромм в прошлом месяце.

В голове зашумело, язык вдруг стал непослушным. Чашка выскользнула из рук, и я уже знал, что ничего не смогу поделать с сонливостью. Препарат сильный, даже слишком. Действует почти мгновенно.

Я обмяк на диване, с трудом соображая, где нахожусь.

Глава 5

Абигейл

Он не с девушкой! В карточке сэйлы Ромм я видела дату ее рождения — с такими взрослыми дамами Рэм вряд ли остался бы на сутки... в романтическом плане. Эта информация и радовала, и пугала одновременно. Радовалась я, потому что ревность наконец испарилась, а переживала — потому что мой начальник явно вляпался во что-то нехорошее.

— Сюда! — Элизия указала на неухоженный двухэтажный дом с несколькими подъездами. Она потянула меня за руку, помогая перебраться через очередной занос, и мы скатились к двери словно с горки. — Аби, послушай меня. Сэйла Ромм — сумасшедшая, в прямом смысле этого слова. Она двинулась умом, когда умер ее муж, так что от нее можно ожидать чего угодно. Если Рэм все еще у нее со вчерашнего обеда, то что-то случилось. Улиане не хватило бы физических сил, чтобы его вырубить, если ей зачем-то это понадобилось, но обхитрить его — вполне. За годы работы с разными пациентами Рэм стал слишком доверчивым и жалостливым, особенно с такими, как сэйла Ромм.

— Что ты хочешь сказать?

— Нам не стоит навешиваться к Улиане вдвоем, лучше по очереди. Если ты пойдешь первая и не выйдешь оттуда через десять минут, тогда уже появлюсь я. Или наоборот — ты останешься, а я...

— Нет, все в порядке. Оставайся. Увидеть помощницу доктора у себя на пороге не так подозрительно, как журналистку.

— Тогда вперед.

Мы юркнули в подъезд. Элизия спряталась за колонной, указала мне на нужную дверь, а я кивнула ей в ответ. До меня не особенно доходил смысл такой предосторожности. Улиана Ромм — психически нездорова, но она наверняка просто слабая женщина. Да и к чему ей Рэм? Зачем держать его у себя? Скорее всего, от нее он ушел к кому-то еще и уже там пропал.

На душе было беспокойно. Я с трудом натянула на лицо приветливую улыбку и уже занесла кулак, чтобы постучать, когда заметила, что дверь чуть приоткрыта. Всего на сантиметр, но достаточно, чтобы я увидела часть квартиры.

Из окон свет в комнату почти не проникал: стекла были грязными, к тому же почти до середины занесенными снегом, как и в большинстве домов сегодня. В полумраке можно было различить мужские ботинки, стоящие у порога, и темно-синее пальто Рэма, брошенное на вешалку сверху. Он не повесил его на петельку. А может быть, пальто было не его, и вовсе не темно-синее, я не была уверена в том, что вижу. Пол застлан старым, выцветшим ковром с узорами, глядя на которые, можно было сломать глаза, но так и не разобрать рисунка. Чуть дальше стоял диван, напротив него — кофейный столик из резного дерева и кресло с потертой обивкой. На столике я заметила две чайные чашки небольшого размера.

Больше ничего подозрительного мне разглядеть не удалось.

Я обернулась к Элизии. Она вопросительно вскинула брови, я указала ей на щель. Нужно было решаться: постучать сначала или сразу войти. Из квартиры не доносилось ни звука, что настораживало. Ну не спит же Рэм с Улианой, в самом-то деле! О еще более худшем варианте я старалась не думать.

Я чуть-чуть потянула дверь на себя, совсем легонько, но она заскрипела. Я потянула еще и вошла в квартиру. Пахло отвратительно. Чем-то застарелым, плесневелым и кислым, точно не разобрать. Словно кто-то разбросал по коврику пропавшую квашеную капусту, потом убрал, но запах прочно въелся. Как-то раз я уронила банку с капустой на ковер, папа выбросил его...

Слева оказалась кухонная зона. Справа — плотно закрытая дверь, наверное, в спальню. Не хотелось бы мне в ней увидеть то, к чему я не была готова.

Элизия ждала, пора было что-то делать. Я на цыпочках прокралась к двери, нажала на ручку, и... она не поддалась. Из спальни донесся стон.

По спине пробежал холодок, лицо, наоборот, бросило в жар. Стон сделался громче. Раздался тихий голос:

— Кто-нибудь...

— Рэм?! — вскрикнула я ошарашенно. — Рэм, ты там?

— Аби? Аби, уходи...

Я разозлилась, но почти мгновенно осознала: начальник тут не прохладается.

— Я не одна, сейчас позову Элизию! Держись там, слышишь? Не знаю, какого черта тут происходит, но держись!

Я метнулась к выходу, попутно присматривая что-нибудь тяжелое, чем можно выбить замок. Может быть, вон той кочергой? Нет, слишком тонкая.

Я врезалась в чье-то тело носом, выбегая из квартиры. Краем глаза заметила тень Элизии у колонны, а потом увидела перед собой женщину в странной шляпке. Она улыбалась, сверкая безумными глазами, в которых внезапно собрались слезы.

— Полечка, — прошептала женщина. Потянула ко мне руки, я машинально отшатнулась. — Полина, где ты была все это время?

«Она сумасшедшая, в прямом смысле слова», — прозвучал в моей голове голос Элизии. Я тяжело сглотнула вставший в горле ком и нервно улыбнулась Улиане. Только лишь предполагая, что сэйла Ромм видит перед собой кого-то очень дорогого ей, и в то же время рискуя выдать себя и журналистку, я пробормотала:

— Недалеко. В лавку ходила, вернулась вот.

— В лавку? — Улиана искренне удивилась. — Так надолго?

— Выпьем чаю? — выпалила я, леденя от страха.

С лица Улианы спала улыбка.

Рэм Бэйтон в спальне этой чокнутой, и с ним что-то не так, иначе он бы выпрыгнул в окно или выбил дверь. Связан? Ранен? Что с ним?!

Я бросила быстрый взгляд на колонну. Элизия жестом показала мне, чтобы я увела Улиану подальше от квартиры.

— Вообще-то, — заговорила я, — может, лучше прогуляемся? Погода сегодня хорошая.

— Чудесная погода! — Улиана, кажется, даже обрадовалась моему предложению. — И правда, почему бы не прогуляться? Пойдем, сходим к твоему отцу на могилу, давно не были. Дома у меня не прибрано, я не ждала гостей. В булочную зайдем, да? Голуби не кормленные со вчерашнего утра. Занята я была, страшно занята...

Она ухватила меня под локоть и повела к выходу. Мне оставалось только подыгрывать и надеяться, что Элизия справится сама. Главное — и мне не терять бдительности: сэйла Ромм не в себе, и это мягко сказано.

Улиана будто бы не замечала высоченных сугробов, хотя шагала она по ним с трудом.

— Вот здесь голуби собираются. — Она указала на угол дома, возле которого располагался перекресток. — Сегодня их что-то нет.

Мы миновали занесенную улицу и очутились на той, где снега было едва ли по колено. Его отсюда выметало, ветром несло дальше, и я решила, что именно тут отвлеку Улиану.

— Смотрите, булочная. — Я кивнула на вывеску. — Зайдем?

— Не пойду, — проворчала сэйла Ромм. — Грымза она.

— Кто, булочная?

— Хозяйка ее. Запретила мне приходить, сказала, что для меня ничего нет. Вообще-то у нее и не для меня ничего нет, это самая нищая булочная в городе, как еще не разорилась. К отцу пойдем, он звал тебя.

— Звал?!

Улиана остановилась, поправила шляпку. Я подумала, что ей не мешало бы носить теплую шапку, иначе отморозит остатки мозга.

— К тебе не приходит? — спросила она с подозрением. — Хотя неудивительно, ты же его так и не простила.

У меня взрывалась голова от общения с Улианой. Мне нужно было поддерживать ложь, делать вид, что я Полина, а я представления не имела, о чем говорит сэйла Ромм. Судя по всему, я — якобы ее дочь. Но почему та не простила отца? Да и не припомню я, чтобы в карточке сэйлы Ромм были указаны дети. Обычно туда вписывают детей и супругов, у нее никакой дочери не было.

— Я простила его, — осторожно произнесла я, надеясь, что Улиана разболтается еще больше и даст мне понять, о чем мы вообще говорим. — А как он к тебе приходит, мама? Он же... ну, умер?

— Душа его приходит. — Улиана двинулась дальше. Мы все-таки шли на кладбище, как она и хотела. — Всего на час и в образе другого человека, но приходит.

— В образе какого человека? — У меня внутри все заледенело. Душа мужа сэйлы Ромм вселяется в проклятого? Не в меня, и то хорошо, но в кого? — Мама, кто к тебе приходит?

— Да вон, этот... — Улиана неопределенно замахала рукой. — Как его зовут-то, я забыла. Мальчишка сэйла Гарольдэна. Молодой совсем, лет двадцать ему.

— Девятнадцать, — выпалила я.

Так вот что за проклятие на нем. Я успела нащупать его, но не сумела разобрать, какое оно. Вот почему! Бедный парень, как же я понимала его. Понятно, почему он так испугался, увидев меня у своей постели. Когда ты каждую ночь ожидаешь обнаружить себя неизвестно где, неизвестно с кем, невольно начинаешь бояться всего. Его отец, получается, ничего не знает, что, конечно, странно... Такое проклятие Дамиан и другие чернокнижники накладывают редко и только за просьбу помочь с кем-то мертвым. Как, например, в моем случае: я просила оживить маму. Неужели и юный сэйл Гарольдэн просил о чем-то подобном? Впрочем, не обязательно. Сэйла Гек тоже просила помощи с мертвым, но на нее Дамиан наложил проклятие рака.

Пока я размышляла о сыне сэйла Гарольдэна — его имени я тоже не вспомнила, — Улиана ушла в конец улицы, и мне пришлось догонять ее бегом. Я даже о Рэме в какой-то момент забыла.

— А когда папа приходил в последний раз?

— Позапрошлой ночью. Сказал, что больше не сможет приходить, если я ему не помогу.

— Как именно? Что ты должна сделать?

Улиана замялась, пожевала губами.

— Хлеба не купили, — сказала она.

Я разочарованно застонала. Как же неудачно ее бросает из одного состояния в другое!

— Голуби голодные, холодно же, им негде еды достать. Пойдем в булочную. Мы прошли ее, кажется, несколько домов назад.

Я не стала напоминать, что именно о той булочной Улиана плохо отзывалась. Мы вернулись, но оказались у запертой двери.

— Наверное, нечем торговать, вот и закрылись, — предположила я.

Становилось уже слишком холодно. На кладбище я точно не собиралась: далеко туда, да еще и по таким сугробам. Но справилась ли Элизия? Удалось ли ей выломать дверь и увести Рэма? Нужно тянуть время максимально долго. Благо одежда, которую я одолжила в гардеробе бывшей жены Рэма, теплая и комфортная. Наверняка даже вот эти рукавички стоят кучу денег,

не говоря уже о пальто, да и сапоги замечательные: мягкая кожа не промокает и не замерзает, а пушистый мех внутри согревает ноги. И все равно не было желания бродить по заснеженному городу, а по заснеженным могилам тем более!

— Домой пора, киса кушать хочет.

— Нет, мам! Мы же к папе идем? Я хочу сказать ему, что я его простила, чтобы он и ко мне пришел. На кладбище вон в ту сторону, давай-ка...

— Полечка, — Улиана взяла меня за руку, — он больше не явится. Не дадут ему приходить слишком часто. Киса ждет, пойдем.

Я вцепилась в локоть Улианы. Нужно было увести ее от дома еще дальше, чтобы дать Элизии хотя бы час времени. Был риск, что Улиана очнется и поймет, что я никакая не Полечка, и тогда она должна быть на другом конце города. И о какой кисе шла речь?.. Я не видела в квартире кошки.

Глава 6

Рэм Бэйтон

Чертова психопатка. Психопатка!

Я застонал от очередной вспышки боли в правом плече. Откуда у Улианы только силы взялись связать меня так крепко? Как я оказался таким идиотом, что сразу не почувствовал в воде примеси лекарства, я старался не думать. Сглупил, с кем не бывает...

Да ни с одним охотником такого не бывает! Я все же идиот.

А она сумасшедшая. От таких можно ожидать чего угодно, и даже кипятка вместо чая, и такое ее поведение кажется в каком-то смысле нормальным. Она усыпила мою бдительность, вот и все. Но, чтобы провернуть подобное, нужен светлый ум... Да нет, Улиана Ромм совершенно точно двинутая. В этом я не сомневался.

Я разлепил глаза, головокружение усилилось. Улиана еще вчера затащила меня в комнату, привязала к кровати, затянула веревку морским узлом на лодыжках и запястьях. Веревка крепкая, не порвать.

В сундуке, стоящем в углу, заскреблась тварь. Я выныривал из сна дважды за ночь: первый раз, когда эта самая «киса» пила мою кровь, а второй — когда старуха запирала ее в сундуке.

Киса... Только чокнутая могла перепутать кошку и туманную тварь. Как она ее приручила?! Да, тварь еще совсем мелкая, возможно, детеныш. И впрямь похожа на котенка недели от роду, но клыки крепче камня.

Я повернулся лицом в сторону сундука, устав лежать на спине. Боль в плече, которое прокусила тварюшка, была пульсирующей. Из рта снова вырвался стон.

В квартире слышались шаги. Ни на что не надеясь, я попытался позвать:

— Кто-нибудь...

— Рэм?! Рэм, ты там?

Мне мерещится или здесь Аби? Если вернется Улиана и застанет ее у себя дома, она не выпустит нас обоих.

— Аби? — спросил я, чтобы удостовериться, что мне не послышалось. — Аби, уходи...

— Я не одна, сейчас позову Элизию! Держись там, слышишь? Не знаю, какого черта тут происходит, но держись!

Мое дыхание прерывалось, сердце колотилось — побочный эффект от большой дозы снотворного. Абигейл с Элизией — это хорошо. Улиане не тягаться с двумя женщинами.

Меня вновь одолела сонливость, справляться с которой я был уже не в состоянии. Сквозь дрему слышал скрежет когтей твари в сундуке, шаги и голоса. Дверь заперта на ключ, ни Аби, ни Элизия не сумеют ее открыть, но они могут догадаться обойти дом и проверить окно. Улиана оставила его распахнутым — оно открывалось вовнутрь. От снега веяло холодом, и сквозь дырки в сундуке туманная тварь дышала им. «Кисы» чернокнижников, как выяснилось, любят холод, в отличие от меня. Я замерзал, стучал зубами. Засыпал и просыпался, по ощущениям, каждую секунду. То проваливался в темноту, то выныривал из нее, и меня начинало от этого тошнить в прямом смысле слова.

Сколько снотворного Улиана всыпала в мою кружку? Ложку или две? От одной мне бы не было так плохо, от двух — я мог не проснуться больше никогда.

Значит, полторы ложки. Оно перестанет действовать через час, может, два, смотря сколько сейчас времени. Я даже приблизительно не мог знать, который час, но за окном было уже светло — прошли почти сутки с тех пор, как я выпил снотворное.

— Ты как там?

Я вскинулся на голос Элизии, ответил, что в порядке. Солгал. Головокружение было или от снотворного, или из-за того, что тварюшка выпила крови больше, чем можно — я пока не понимал причины. Скорее второе. Я видел, как Улиана отрывала ее от моего плеча, а та жадно клала челюстями и тянулась ко мне когтистыми лапками.

Элизия чем-то грохнула в замок двери.

— Окно, — простонал я.

— Что? Ты не можешь говорить громче, Рэм?

— Окно!

Элизия затихла. Потом бахнула входная дверь, а еще через минуту я заметил движение за окном. Подруга ползла по сугробу. С подоконника в комнату посыпался снег, в оконном проеме показалось лицо журналистки.

— Бог ты мой! — Она выдохнула облако пара. — Я сейчас!

Сколько длилось ее «сейчас», не знаю — я потерял сознание, а очнулся, когда был свободен от пут. Элизия трепала меня по плечам, испуганно звала.

— Встать можешь? Вылезти? Аби увела Улиану, но надолго ли, я не знаю! Рэм, пожалуйста, вставай, а!

Мне понадобилось какое-то время, чтобы просто сфокусировать взгляд на ее перекошенном от испуга лице. Я попытался встать на колени, чуть не рухнул, но все же сумел подняться. Шатаясь, едва ли не на ощупь достиг подоконника.

Элизия бесцеремонно подтолкнула меня сзади, да так, что я упал лицом в снег. Ледяные снежинки царапнули щеки, лоб и немного привели меня в чувство.

— Мы в безопасности, — прохрипел я. — Сэйла Ромм — спятившая, но слабая. Прошу, дай мне руку, помоги...

Не впервые я просил Элизию о помощи, и не впервые она видела меня в подобном состоянии. Но впервые мы ударили от чокнутой старухи и ее туманного питомца.

Я разразился нервным хохотом от глупости ситуации. Элизия больно ткнула меня кулаком в плечо, попала аккуратно в раны от клыков, и я зашипел от боли.

— Смешно тебе?! Рэм, черт бы тебя побрал! Смешно?! Мы чуть с ума не сошли!

Я перебирал ногами, проваливался в снег. Скатился с сугроба.

— Прости. Я расскажу чуть позже, как я так попал. Беги к доктору Гибору, он сейчас дома — никуда не выходит. Пусть идет в больницу немедленно.

— Я не оставляю тебя одного, даже не думай! — рыкнула Элизия. — Вместе доберемся до доктора Гибора.

Я не стал спорить, кивнул. Улиана вернется домой и увидит, что меня нет, но что она сможет с этим поделать? Расстроится, только и всего. Ей бы в специальную лечебницу, вот только в Логерделе таких нет и не будет!

Главное, чтобы она не выпустила свою тварюшку на охоту. И буду надеяться, что Абигейл не попадет ей под горячую руку.

Пит Гибор, мой давний друг и напарник, жил недалеко от места работы. Когда-то ему выделили крохотную квартирку в трехэтажном доме, с тех пор он оттуда не переезжал. Сначала — потому что от дома до больницы можно дойти пешком, а потом, потеряв слух и почти полностью зрение, не видел смысла в переездах.

Бесполезно стучать в дверь его квартиры, так что я остался в подъезде, а Элизия попросилась к соседям, чтобы те пустили ее на свой балкон, откуда она бы перебралась на балкон Пита. Тот увидит ее — или хотя бы мельтешение за окном, не совсем же он слеп.

Ей удалось, и спустя несколько минут Пит пригласил меня войти. Я снял промокшие насквозь носки, рухнул в продавленное кресло у обеденного стола. Пит на дрожащих ногах, шаркая по полу тапочками, искал в шкафу перевязочные материалы и иглу. Он внимательно

осмотрел рану, насколько мог своим слабым зрением, ему незачем было спрашивать, как, кто и зачем прокусил мое плечо.

Мне еще повезло. Меня туманная тварюшка слегка покусала, а его.... В ту ночь, когда случилось предпоследнее нападение тварей, Пит оказался не в то время, не в том месте. Чистая случайность, лишившая одного из лучших докторов королевства возможности помогать людям.

Элизия сделала мне горячего чаю. Пит жестом попросил меня отвернуться. Он держал в одной руке бутылек с антисептиком, в другой — ватный тампон. Маленькие дети закатывают истерики, увидев что-то подобное в руках доктора.

Пит посмеивался, я с улыбкой вскинул брови. Он закатил глаза и присел передо мной на корточки. Не стану я отворачиваться, вот еще! Там ранка-то крошечная, да и обеззараживание не причиняет боли.

Друг обработал плечо, на всякий случай зашил каждый прокол. Их было всего два, но глубоких и гораздо более широких, чем укус, например, обычной кошки. Я видел клыки твари, они и правда крупнее. Все ее зубы выдаются вперед, словно ковш с зубцами для копки земли.

— Пей. — Элизия поставила передо мной чашку. — Ну, так расскажешь, что там приключилось?

Я кратко поведал ей, что запомнил. Отпил чаю, поморщился: слишком горячий.

— Нам нужна эта тварюшка, — сказал я.

Элизия намекала как-то, что нам необходимо приготовить яд, которым можно вымазать клинок охотника. Поймать туманную тварь не так-то просто, а эта еще мелкая, справиться с ней — плевое дело.

Подруга непонимающе уставилась на меня. Я объяснил:

— Для яда почти все можно найти в Логерделе и горах, но главный ингредиент — измельченный в порошок клык туманной твари. Вся сила чернокнижника заключена в этих чудовищах, они что-то вроде...

— Фамильяров? — подсказала Элизия.

— Да, точно. Нам нужен ее клык, чего бы это ни стоило. Другого шанса встретить более-менее безобидную тварь может и не представиться. Я вернусь к Улиане, когда ее не будет дома, и вытащу эту ее «кису».

— А ты-то ей зачем? Почему она с тобой так поступила?

— Кису кормить нужно, не собой же она будет давать ей питаться. Заманила в квартиру того, кого проще заманить, опоила и связала. Она не давала тварюшке пить слишком много крови, иначе та высосала бы меня до капли. Улиана больна, не стоит придавать ее действиям какой-то смысл. Она увидела тварь, похожую на кошку, но злую, чтобы перевоспитать — засунула ее в сундук, как-нибудь выяснила, что именно является едой в понимании нового питомца. Представления не имею, как именно она выясняла, но жертвой оказался я...

Я отвлекся от беседы. Пит закончил перевязку и уже писал мне на листочке рекомендации. Делал это скорее по привычке, как обычному пациенту. Сунул список рекомендаций мне в руки, я спрятал его в карман брюк — не обижать ведь друга. Хотя я и без него знал, чем обрабатывать швы. Также, он дал мне ботинки. Свои я, думаю, больше не увижу.

— Но мы должны ее забрать, — сказал я твердо. — Если ты все еще надеешься освободиться от проклятия, то киса сэйлы Ромм нам необходима.

Элизия потеряла лоб, недовольно хмыкнув. Я понимал ее чувства, мне и самому не хотелось больше возвращаться в квартиру сумасшедшей, но какой у нас выбор?

— Я пойду одна. То есть внутрь я войду одна, а ты останься на страже.

На такое предложение я согласился. Идти решили сейчас, и если Улиана все еще не дома, то мы стащим сундук с тварюшкой и затаимся неподалеку, чтобы отследить Абигейл. Заберем ее и отправимся в больницу.

Как же Дейна меня наверняка костерит! Бедная девушка, совсем одна с больными, и Малиры рядом нет. Отсутствие медперсонала угнетало меня все сильнее, но мысль закрыть больницу совсем я упорно отметал.

Глава 7

Абигейл

Мы приближались к дому Улианы, когда мне в голову пришла гениальная мысль.

— Вы ведь не здесь живете! — воскликнула я нарочито встревоженно. — Мы заплутали, сэйла Ромм. Этот снег путает следы, дороги, дома выглядят все как один. Ну-ка, пойдемте скорее, пока не стемнело.

Утро только началось, до темноты еще много времени, но Улиана, я надеюсь, давно перестала следить за часами. В ее состоянии неудивительно путать день с ночью или, к моему счастью — здания.

— Неужели? — пробормотала она, замерев у сугроба. — А куда же нам теперь? Прости старую, запаматовала... Хотя нет, вон же голуби!

Голубей я искала тщетно. Улиана в это время рвалась к ним, громко прося прощения у птиц за то, что не принесла им еды. «Голуби», видимые только сэйле Ромм, отвлекли ее надолго. Я скучающе ждала, пока она наиграется, наобщается, и сверлила взглядом вход в подъезд Улианы.

Впереди мелькнула тень. Две темные фигуры забрались на сугроб, по очереди проникли в подъезд. Я узнала цветастое пальто Элизии, и внутри все похолодело. Ясно ведь, ей не удалось достать Рэма самостоятельно и пришлось искать мужчину в помощь. Значит, нужно еще время.

Я застыла каменной статуей, чтобы ни вздохом, ни действием не напомнить Улиане о себе и о том, что нам пора домой. Немного времени понадобилось, чтобы начать замерзать: без движения мороз ледяными щупальцами пополз от ног к кончику носа.

— Гули, гули, гули, — ворковала Улиана.

Она набрала горсть снега, свободной рукой неторопливо разбросала его, как если бы это были хлебные крошки. Я наблюдала за ней с толикой грусти. Слабоумие может коснуться каждого, и от него нет лекарств. Ни обычных, ни магических, ни целительских. Человечество научилось справляться даже с такими ужасами, как проклятия чернокнижников, а сумасшедшим помочь не может.

— Тип, тип, тип!

«Так призывают куриц», — подумала я с усмешкой.

Элизия и мужчина появились наверху сугроба как раз в тот момент, когда Улиане надоело возиться с «голубями». Она отряхнула руки и зачем-то пальто, указала на здание бывшей школы, прищурившись.

— Вон там продают неплохие платья. Давай заглянем? Твое совершенно отвратительно, оно не подходит к твоим глазам. Разве я не учила тебя подбирать наряды в тон к глазам и лицу?

— Учила, мама, — ответила я, неотрывно следя за Элизией.

Мужчиной при внимательном рассмотрении оказался Рэм. Я вскинула брови, ошарашенно проводила парочку взглядом, пока они не скрылись за поворотом. Что за сундук у них в руках?

— Не пойдем. — Я повернулась к Улиане. — Я замерзла, давай домой?

Сэйла Ромм поправила шляпу, подхватила меня под руку.

— Кису надо кормить, пора уже.

Меня ее состояние одновременно и пугало, и интересовало с точки зрения медицины — может быть, сумасшествие все-таки поддается лечению заклинаниями? А может, это проклятие?

Я постаралась незаметно прозондировать бедную женщину. Одной рукой поддерживала ее за спину, чтобы она не упала, другую положила ей на грудь. Через толстую ткань пальто и

платья почувствовать что-либо было почти невозможно, но отголоски черной магии должны были меня «уколоть». Никакого проклятия на сэйле Ромм не было.

— Ты поднимайся, — сказала я, помогая Улиане забраться на уже протоптанную нами тропинку в сугробе. — Я сейчас заскочу в лавку за печеньем и сразу же вернусь.

— Да нет никакого печенья в лавках. Ничего уже почти нет, и не будет. Вымрет город, вот увидишь.

— Что ты такое говоришь? — притворно ахнула я. Скорее бы от нее избавиться!

— Видишь ведь, что происходит? Засыпало нас смертью белой, продуктов нет и не привозят, а последний поезд всех шахтеров вывез. На моем веку еще ни разу золотодобывающие шахты без рабочих не оставляли.

— Зима просто холодная, ты посмотри какая. Снега по шею, морозы. Иди, мам, домой, я сейчас вернусь.

Я не стала дожидаться, скажет ли Улиана что-нибудь еще. Со всех ног припустила в больницу. Рэм спасся, и он цел! Судя по тому, как быстро передвигался мой начальник, он полностью здоров. Улиана не сумела ему навредить — или не захотела. Она слабая, старая женщина, в этом Рэму повезло.

У больницы копошились четверо мужиков с лопатами. Они активно раскидывали снег, чистя тропинку — даже не тропинку, а целую дорогу — к входу.

— Доктор Вирзор. — Один из них шутливо поклонился. — По делам все бегаєте? Кто на этот раз?

— Что? — выдохнула я на бегу. Остановилась, согнулась пополам, восстанавливая дыхание.

— Ну, помер кто? Чего заполошная такая?

— Никто не помер. Доктор Бэйтон на месте, не знаете?

— С журналисточкой, — кивнул другой мужчина. — Ох, не к добру это. Журналисты как ни придут, так на следующий день в газете всякую ересь читаю. То полы у вас черные от грязи, то в палатах воняет тухлятиной. Жалобы сплошные, а что толку? Я вот чо скажу: сам лежал тут дважды, и никаких жалоб у меня не было!

Я отмахнулась, пожелала хорошей работы и нырнула в дверной проем. В приемном покое ни души — снова! Вспомнились записки от посыльных, которые я с раннего утра таскаю в кармане, но сейчас не до них. Без Рэма я никому не смогу помочь, а он сам не пойми как себя чувствует.

В кабинете я его не обнаружила. Заглянула в стационар — там находилась только недовольная, уставшая Дейна. На мой вопрос, где доктор Бэйтон, она зло выплюнула, что завтра уволится и ей все равно, где доктор Бэйтон.

Я сбежала в комнату для практикантов, поздоровалась с больными. Потом заглянула в кладовую и уже там нашла Рэма и Элизию. Доктор и журналистка склонились над небольшим, кованым сундуком, в котором кто-то звонко пищал.

— Дверь захлопни, — попросила Элизия.

Я выполнила просьбу, с подозрением косясь на сундук.

— Вы его у сэйлы Ромм стащили? — спросила я, хоть и знала ответ.

Рэм возился с замком. Ключа, конечно, не было, поэтому он использовал инструмент, названия которому я не знала. Плоскогубцы?.. Пила?.. Представления не имею.

— У нее, — коротко бросил Рэм.

— А что орет изнутри?

— Как бы тебе сказать. — Начальник вытер пот со лба, обратил взор ко мне. — Тварь туманная. Детеныш совсем, еще не имеет ярко выраженных охотничьих инстинктов, но погрыз меня прилично.

— Погрыз?!

— Все в порядке, доктор Гибор меня залатал.

— А зачем вы тварь сюда принесли? Погодите... что значит туманная тварь?! Откуда она у сэйлы Ромм?

Начальник вкратце поведал мне душещипательную историю о прибившейся к дому кошке. Улиана ездила ему по ушам, а он поверил!

— Сама она считает ее обычной кошкой, — проговорила Элизия. — Ну, я так думаю. Улиана больна, так что ничего удивительного в ее действиях нет. Разве что мы так и не поняли, почему эта тварюшка саму Улиану не кусала. Вполне возможно, что пыталась укусить, поэтому сэйла Ромм запихала ее в сундук. Здесь, кстати, ни одной дырки для воздуха, и как тварь не задохнулась...

Рэм вскинул голову, пристально посмотрел на журналистку.

— А ведь и правда... ни одного отверстия.

— Так принесли-то вы ее зачем?! — Я не выдержала и зло топнула ногой. Туманная тварь в больнице! Да они сами сумасшедшие!

— Абигейл, сядь. — Рэм указал на перевернутое вверх дном ведро рядом с сундуком. — Нам нужен клык этого существа. Среди прочих ингредиентов в составе яда — порошок из клыка туманной твари. Если бы Улиана не приютила у себя это создание, то нам было бы неоткуда его достать. Твари по городу как-то нечасто бродят, а те, что, бывает, приходят, в руки не дадутся. Слишком взрослые.

— Яд быстро действует?.. — осторожно поинтересовалась я.

— Да. Кинжал парализует мгновенно, а яд с лезвия проникает в кровь и, пока черно-книжник парализован и не в состоянии колдовать, немедленно его убивает. Я никогда им не пользовался, не приходилось, к счастью.

Лязгнул металл, крышка сундука тут же подпрыгнула, но Рэм удержал ее.

— И как ты заберешь у нее клык? — Я похолодела внутри. Внезапно стало жалко маленькое существо. Нелогичное чувство, но оно было сильным.

— Обездвижу, проведу операцию. Потом отнесем тварь за ворота.

— То есть не убьешь?

Рэм промолчал, многозначительно поджав губы.

— Принеси новый замок, — попросил Рэм Элизию. — В кабинете в ящике того стола, который стоит по центру.

Журналистка оставила нас, помчалась за замком.

— Абигейл, я не хочу, чтобы ты шла с ними.

Я вскинула брови. Рэм покачал головой.

— Ты понимаешь, о чем я. Вы трое — ты, Элизия и Эми — задумали нечто невыполнимое и опасное. Переубедить всех у меня не получится, но я хочу уберечь хотя бы тебя. Команда сильных мужчин, военных, сгинула в одну ночь без следа, а вы... На что вы рассчитываете?

— Ни на что, — буркнула я. — Мы хотели посмотреть на Разрыв и на коридор невидимости внутри мира Темных. И все, клянусь!

— И убить Дамиана. Не лги, Аби, Элизия мне все рассказала. Мы должны были обсудить это сегодня на собрании, но я был... занят, как ты понимаешь. Я дам вам рецепт яда, даже помогу его сварить, но ты должна мне пообещать, что ни шагу не ступишь за ворота. Ладно?

— Эми не может пойти! Она еще не восстановилась. Что же, мне отпустить Элизию одну?

— Если она так жаждет туда идти, то — да. Я устал, Аби. Я не жалуюсь, не подумай, но я правда устал тянуть на себе больницу. Когда ты появилась, мне казалось, что работать станет еще труднее, но ты с таким рвением взялась за лечение... Да, где-то ты не способна помочь, где-то тебе не хватает духу. Но с тобой я чувствую, что не один, и это придает мне сил. Если за воротами города тебя порвут на клочки, то что делать мне?

Мой рот открылся сам собой. Вот, значит, как. Рэм боится за меня или за себя? В любом случае я не могу ему ничего обещать — Элизию без поддержки я не оставлю. Все-таки смерти Дамиана жажду и я. Может быть, когда он исчезнет, моя мама сумеет вернуться в Чистый мир? Я уж не говорю о том, что все проклятые Дамианом освободятся.

Я спрятала руку за спиной и скрестила пальцы, совсем как в детстве.

— Обещаю — ни шагу за ворота!

— Вот и хорошо. — Рэм улыбнулся.

Элизия принесла замок с ключом и заперла сундук. Для чего они вообще его открывали?

— Аби, отправляйся помочь Дейне, — сказал Рэм. — Что-то мне подсказывает, что она в бешенстве.

В бешенстве — не то слово. Когда я появилась в стационаре, разъяренная Дейна бросила мне моток бинта, который держала в руках, и вылетела за дверь, ничего не объяснив. Я ничуть не обиделась на нее, понимала, как ей тяжело. И Рэму тяжело, и мне...

Нам нужно что-то делать, мы не можем и дальше работать втроем. Легко какое-то время, потом сказывается недосып, физическая и моральная усталость, а в конце концов есть риск рехнуться, как сэйла Ромм.

Глава 8

Этот невыносимо долгий день подошел к концу. Я как раз занималась тем, что разносила ужин для пациентов. Дейна должна была собрать посуду, а вымыть ее мы решили завтра с утра. Все валились с ног, что с того, что несколько тарелок останутся на ночь грязными?

Погасили свет в коридорах и приемном покое. Проверили все окна, чтобы ни одно не было открыто, а в комнатах, где спали больные, задернули шторы. Дейна постелила на диване в кабинете, заварила себе ромашкового чая — ее единственная радость, оставшаяся в жизни, как она сказала. Логердель убивал ее тягу к расширению кругозора и путешествиям, она предпочитала вовсе не выходить на улицу в такую погоду. А когда она вернется домой, то никогда и никуда больше не поедет. Все это Дейна высказала мне еще днем, после того как со злостью вылетела из палаты.

Элизия после обеда куда-то умчалась. Кажется, в типографию. Ранее она опубликовала в газете статью с просьбой беременным защищать себя и ни в коем случае не рожать в одной комнате с мужчиной. Многие из тех, кто ждал появления ребенка на свет, не приходили в больницу не из-за того, что доктор — мужчина, а потому, что нашли повитух. Как оказалось, роль повитух выполняли все те же знахарки, которые переманили к себе большую часть больных. Нам это только на руку — если бы не знахарки, одной крошечной больнице ни за что бы не помочь всем нуждающимся в медицинском наблюдении, не имея необходимых лекарств.

Рэм оделся, подал мне пальто и поправил шаль на моей голове так, чтобы она не слетела от ветра.

— Сегодня мы впервые уходим домой настолько рано, — усмехнулся он. — Всего семь часов вечера, впереди еще уйма времени!

— Я бы с удовольствием потратила час или даже два на приготовление ужина. — Я мечтательно зажмурилась: хотелось сытного горячего супа. Потом поморщилась, вспомнив: — В гостиную все еще валяются все ковры, которые нужно почистить. Может быть, завтра я встану пораньше и найду какого-нибудь мальчонку для этой работы?

— Если ты сумеешь встать пораньше. Лично я собираюсь спать всю ночь напролет и до тех пор, пока не прибежит кто-нибудь из посыльных.

— Ну нет, Дейна нас тогда точно убьет. — Я толкнула дверь, первая вышла на улицу и жадно глотнула морозного воздуха. — Кстати, позови ее, пусть дверь запрет.

Рэм крикнул практикантке, она вышла и махнула нам рукой на прощание. Уставшая и сонная, она не хотела разговаривать. Звякнул ключ в замке, лязгнул засов, и мы с Рэмом двинулись по расчищенной тропинке в сторону дома. Жители ближайших домов на славу потрудились за день — теперь высоченные сугробы походили скорее на лабиринт из множества тропинок.

Мы впервые не спешили. Шагали медленно, любуясь чистейшим звездным небом. Снег хрустел под нашими ногами так громко, что звук шагов наверняка разносился на всю округу. Вокруг нас будто бы выросли белоснежные стены — из-за них ничего не было видно. Если кто встретится по пути, то придется очень постараться, чтобы разойтись.

— Узкие тропки, — сказал Рэм, прижимаясь ко мне все плотнее. Он взял меня за руку, не спрашивая разрешения. Мы могли бы идти друг за другом, но почему-то держались бок о бок. — Если температура чуть повысится, а потом стукнет мороз, то все превратится в сплошной каток. Так себе перспектива.

— Тебе не кажется, что такое количество снега — ненормально? Север, я понимаю, но все же...

— Я думал об этом. В последний раз подобное происходило лет семьдесят назад, во времена молодости моих дедушки и бабушки. Дед любил рассказывать о той зиме. Бывало,

садились ужинать и он сразу же начинал какую-нибудь забавную историю о «самой снежной зиме в его жизни». Правда, вскоре мы поняли, что он их все выдумывает — ну не может с одним человеком приключиться столько всего за несколько месяцев.

Я ухмыльнулась. Очень даже может... Хотя смотря о чем рассказывал его дедушка, конечно. Со мной за несколько недель произошло столько всего, что точно хватило бы на целую жизнь.

— Смотри, там свет горит. — Рэм указал на окна продуктовой лавки. — Зайдем? Может, осталось что-то из продуктов, купим к ужину.

На полупустых полках и правда нашлось кое-что съестное. Никакого мяса, молока, сыра и творога, но крупы в этой лавке оказалось вдоволь. А также муки, масла, сахара, орехов и многого другого.

— Из кладовых вытащил, — пояснил продавец. — Хочу подзаработать да валить отсюда.

Мы с Рэмом переглянулись. Мужчина за прилавком выглядел донельзя измученным, и мы, похоже, стали для него ушами, в которые можно вылить все свои переживания.

— Холодища эта достала. Супруга никак проболеться не может, того и гляди легкие выплюнет. В аптеку ходил, так мне вручили какой-то сироп и отправили домой. Аптекарьша говорит, что поставок лекарств до сих пор не было. Вот вы, доктор Бэйтон, как справляетесь? Чем людей-то лечите?

Рэм открыл было рот, чтобы ответить, но продавец снова заговорил.

— Короче, надоело все. Железную дорогу завалило, а чистить ее никто не спешит. Поезд как сюда проберется? Вот именно — никак! А жить на что? Жратва кончится, и все! Считаю, трупы мы тут все. Вообще знаете что? Выбирайте, что вам нужно, я скидку сделаю. Хорошую скидку.

Я поблагодарила мужчину, Рэм назвал ему несколько круп и что-то по мелочи, я попросила еще сухих яблок. Рассчитывался Рэм, и когда он вытащил кошелек из кармана, я заметила, что денег в нем не так уж и много. Всего несколько монет бренчало на дне. Как и у меня.

К слову, заработную плату нам до сих пор не выдали, а ведь уже должны были. Действительно, как тут жить дальше?

Все время пути приходилось быть бдительными: посматривать за повороты прежде, чем сделать шаг вперед, пристально наблюдать за каждым темным участком — на случай, если там затаился туман.

— В самом начале, — заговорила я, — когда мы отправились на мой первый вызов в мобиле, ты носил с собой деревянную штуку в шипах. Больше не носишь. Почему? Она ведь от туманных тварей?

— От тварей, — подтвердил Рэм. — Хм, хорошо, что напонила... Я вообще-то не так уж часто беру с собой эту битую, в прошлый раз мне хотелось показать тебе, что со мной нечего бояться, я сумею тебя защитить. Считаю мой поступок таким мальчишеским позерством. — Он усмехнулся. — Я не знал, что ты о тварях ни сном ни духом.

Мы выглянули за угол «тоннеля», убедились, что впереди все чисто, и двинулись дальше. Вскоре добрались домой. Рэм отпер входную дверь, щелкнул выключателем на стене и пустил меня внутрь. Теплый свет залил гостиную, выхватил из темноты гору ковров, и я поморщилась.

— Нужно с ними что-то делать уже. Ты давно не жил здесь?

— Давно. — Рэм забрал мое пальто, повесил на крючок. — Можно нанять женщину, которая поможет с уборкой.

Я негромко вздохнула. Не на что нам нанимать помощниц. Вопрос денег казался мне острым, а для обсуждения — даже постыдным. Как-то не привыкла я считать последние геллеры, чтобы понять, хватит ли на что-нибудь.

— Рэм, я хотела спросить о жаловании. Ты должен мне платить или кто-то другой?

Начальник поправлял свитер, когда я задала вопрос. Он на миг замер, взгляд сделался пустым.

— Мэр привозит в больницу деньги раз в месяц на выплаты сотрудникам, на закупку препаратов, расходников и оплату питания для пациентов в стационаре. Что нас ждет теперь — я не знаю. Прости, Абигейл, я бы хотел тебя утешить, но не могу. Он или не собирался возвращаться из своей поездки, или его задержал снегопад.

— Снег лежит всего ничего, а уехал мэр...

— Знаю. Не получается об этом не думать, но я попрошу тебя этот вечер посвятить мне и разговорам ни о чем. Хорошо? Ты устала, я же вижу. Давай приготовим ужин и хотя бы несколько часов не будем мучиться размышлениями о будущем.

Я согласно улыбнулась. Отличная идея.

На кухне мы разложили покупки на полки в шкафу, раскалили плиту, поставили на нее сковородку и маленький казан. Нашлись два фартука — я взяла себе белый с синими узорами, Рэму достался черный.

Было решено сварить кашу и напечь блинов на кипятке за отсутствием молока. Рэм, к моему удивлению, не сидел без дела, а помогал готовить. Правда, поминутно спрашивал, что делать, как мешать, сколько нужно соли. Я веселилась, меня ничуть не раздражал мой неумелый повар, и даже когда он перепутал чайную и столовые ложки и в итоге пересолил кашу, я фыркнула в кулак.

— Делай заново, — рассмеялась я, указывая на казан. — Мы не станем есть кашу с килограммом соли.

— И ничего не килограммом! — возмутился Рэм. — Всего-то большая ложка.

— Жалко выбрасывать, но есть мы это не будем.

Я перевернула золотистый блин, послышалось тихое шипение масла. На тарелке набралась стопка аппетитных блинов, а я зорко следила за Рэмом, чтобы он не таскал их до того, как в моей миске закончится тесто и мы накроем на стол.

Кашу пришлось выбросить, промыть новую порцию крупы и вскипятить воду. Пока крупа варилась, Рэм поменял скатерть на столе, расставил тарелки и разложил приборы. Потом он достал откуда-то миленький канделябр, вставил в него три свечи и зажег их.

Атмосфера сделалась какой-то слегка... романтической. Подумав об этом, я вспыхнула и вновь отвернулась к плите. Рэм выключил свет, зажег масляную лампу и оставил ее на полке у выхода из кухни в дровяник. Освещения было достаточно, но в то же время здесь царил приятный, мягкий полумрак.

Первые минуты мы ели молча. Я поглядывала в темноту за окном, но все равно не заметила приближения тумана. Вздрыгнула, когда его щупальца громыхнули о стекло.

Рэм поперхнулся кашей, я застыла. Туман не проберется внутрь, но все равно сделалось страшно.

— Нужно наконец постирать шторы, — прошептала я, косясь на туман. Он лениво «царапал» стекло, стучал и ковырял его так, словно пытался вытащить из рамы. — Можно я завтра возьму выходной и займусь этим?

— Можно. — Рэм отпил чаю и продолжил есть. — Ты в этом доме надолго, так что делай то, что считаешь нужным. Здесь много лишних вещей, и я смотрю, часть из них уже на тебе...

— Извини меня, я бы не стала их брать, но мои промокли.

— Я не против. В гардеробе наверху полно женской одежды, если хочешь, забери себе все.

Мы впервые заговорили о чем-то касающемся его жены. Я осторожно потянула за ниточку, стремясь размотать клубок.

— Ты съехал, потому что тебе было больно оставаться в этом доме после смерти супруги?

— Не совсем. Ремонт и мебель были оплачены деньгами, о происхождении которых я не имел ни малейшего понятия. Уже потом я узнал, откуда у моей жены деньги. Когда она умерла, Элизия проверила ее — Делия была проклята. Я съехал, чтобы не вспоминать об этом лишний раз.

— А сейчас... тебе легче?

Рэм улыбнулся вполне искренне, отложил ложку, подпер голову ладонью и посмотрел на меня таким нежным взглядом, что я на мгновение растерялась.

— Легче. Я больше не один.

Глава 9

Мое очарование Рэмом в данный момент было таким простым и явным, что он наверняка о нем догадался. Я смотрела на начальника с толикой мечтательности, скользила взглядом по его тонкому, аристократическому носу, темным бровям, губам, изогнутым в улыбке. И ниже — к бледной коже шеи, оттеняемой синевой воротника форменной рубашки.

Не сказать, что Рэм Бэйтон молод, но выглядел он для своих сорока с хвостиком преотлично. Если бы не затянутые поволокой боли тусклые глаза, накидывающие ему еще лет десять.

Я чувствовала, как искрит между нами. Или же это только от меня исходит такое осязаемое напряжение? Аппетит пропал. От волнения вспотели ладони, засосало под ложечкой. Рэм Бэйтон казался мне симпатичным мужчиной, и он мне нравился безусловно, но прямо сейчас я вдруг поняла, что окончательно и бесповоротно начинаю влюбляться. По ощущениям мои чувства были похожи на то, как если бы я начала катиться с ледяной горки, у которой не видно конца, и остановиться не могу, а скорость становится все выше и выше, и вот я в панике кричу, размахиваю руками, стремясь ухватиться за что-нибудь, затормозить.

Я перехватила взгляд Рэма и на несколько мгновений пропала. Он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, словно ему вдруг стало не хватать воздуха. Вот только воздуха не хватало и мне — настолько, что в голове и ушах зашумело. Туман продолжаться биться в дребезжащее стекло и царапать раму, а я не обращала на него внимания, почти полностью провалившись в бездонную тьму глаз сидящего напротив мужчины.

Мне будет больно. Очень и очень больно, если я позволю чувствам взять верх. Рэм ни за что не ответит мне взаимностью, я в этом уверена. Его опыт совместной жизни с женщиной оказался печальным настолько, что я бы на его месте не желала повторять такое.

— Каша стынет, — сказал Рэм, и звук его голоса лопнул пузырь, в котором я находилась. Я снова стала слышать грохот стекла, а моргнув, сумела оторваться от созерцания мужской привлекательности начальника. — Если хочешь, я попробую найти какую-нибудь занавеску и приладить к окну. Тебя испугал туман?

— Нет, все в порядке. — Я отмахнулась, возвращаясь к еде. — Он точно не сумеет проломить окно?

— В городе еще не было ни одного случая, когда туман проникал в закрытые помещения.

— Элизия сообщила бы об этом?

— Конечно. Уже через день в свежей газете вышла бы статья с заголовком: «Спасайся, кто может!»

— Она не кажется скандальной. Я имею в виду Элизию. Но при этом ее статьи немного... провокационные, что ли.

— Такая у нее работа, — со вздохом ответил Рэм.

— Она рассказала мне правду о себе, — сказала я, наблюдая за реакцией Рэма. Он не изменился в лице. — О том, что она была целительницей. Ты знал?

— Знал.

— Но когда я приехала, мне показалось, что ты плохо настроен в отношении представителей этой профессии. Чуть ли не ядом прыскал, говоря о целительстве как о «никчемной медицинской пародии».

— Эй, я не говорил такого! — Начальник расхохотался. — Ты выдумываешь на ходу.

— Всего лишь воспроизвожу твои мысли. Так почему? Твоя подруга — целительница, и ты относишься к ней с большим уважением, а ко мне с пренебрежением.

— А она сказала тебе, почему ушла в журналистику? — Рэм с прищуром глянул на меня, отложил ложку и взялся за блин.

— Да. Дамиан запретил ей лечить проклятых, как и мне.

— Мог я позволить тебе остаться, зная о том, что и к тебе придет черный маг?

— Потом ты разрешил мне заниматься целительством! — выдохнула я ошарашенно.

— Разрешил, но только лишь затем, чтобы ты прекратила требовать от меня помощи с проклятыми. Элизия несколько лет назад называла мне точные цифры проклятых — тогда их было около двух тысяч человек. Ты вылечила одну Эми Гек и почти сразу стала объектом пристального внимания чернокнижника. Я надеялся, что он тебя слегка припугнет и ты займешься наконец тем, что действительно важно и безопасно. Абигейл, в Логерделе мы работаем только так — без целителей. Последней была Элизия, остальные здесь так и не прижились. Мне незачем тебе сейчас это объяснять, ты и сама все понимаешь, верно?

— Верно. — Я отпихнула ложку. Все, есть теперь точно не хотелось. — Я здесь застряла. В общем-то, целительская практика никогда не была мне интересна, я училась лишь для того, чтобы спасти себя. В столице таких, как я, много, есть даже центр изучения проклятий, и множество ученых умов занимаются ими. Здесь нет даже обычного доктора, не считая тебя, но что такое один доктор на целый город? Я смирилась с тем, что буду принимать роды и лечить чесотку, но когда Дамиан умрет, я бы хотела все-таки помогать проклятым. Все проклятые Дамианом с его смертью исцелятся, да надолго ли? Его место займет другой.

— А чего ты хочешь для себя, Аби? Ты все время говоришь о ком-то, но не о себе. Чего ты хочешь?

— Я не могу думать только о себе...

— Так научись. Давай, расскажи мне, чего ты желаешь больше всего на свете?

— Избавиться от проклятия. — Я пожала плечами. — Самое главное именно это.

— Дамиан, возможно, никогда не умрет. — Рэм опустил глаза в чашку с чаем. — Не так сложно сварить яд, как найти и убить черного мага. Я бы сказал — почти нереально. В столице этим занималась специальная служба по отлову чернокнижников, состоящая из тысяч квалифицированных магов. В Логерделе нас только четверо, четверо тех, кто вообще хоть что-то знает об этих созданиях. Мне будет очень жаль, если ты начнешь питать надежды на его смерть и они не оправдаются.

Я качнула головой, на миг недовольно поджав губы. Настроение портилось.

— Мы хотели не говорить обо всем этом сегодня вечером, — напредила я.

— Да, прости. Кажется, я уже настолько отвык отдыхать, что забыл, как правильно бездельничать.

Он улыбнулся, бросил безразличный взгляд на туман за окном.

— Скоро успокоится.

— Перейдем наверх. — Я поднялась, подхватила кружку с чаем. — Я видела там кабинет с кучей книг, мы можем разжечь камин и почитать или поболтать. Последнее меня привлекает больше. Только не о чернокнижниках!

— Не о них, — согласился Рэм.

Рэм Бэйтон

Абигейл расположилась на софе — широкой и удобной, достаточной даже для двоих, если тесно прижаться друг к другу. Я прогнал эту мысль: Аби не позволит мне к себе прижиматься, поэтому я сел на полу. Мог бы упасть в кресло, закинуть ноги на стол, как любил это делать, но все мое нутро стремилось быть как можно ближе к Абигейл.

Для нее я объяснил мой странный выбор места тем, что хочу быть поближе к камину. В кабинете он занимал крошечную часть стены, был маленьким и почти бесполезным в холодное время года, если не поддерживать в нем огонь круглосуточно. Но для романтической атмосферы достаточно потрескивания огня и игры янтарных всполохов на стенах.

Аби, лежа на спине, закрыла глаза и вытянула руку. Нашупала какую-то книгу на полке, вытащила ее и посмотрела на обложку.

— Любовный роман?! — Она расхохоталась. — Не думала, что у тебя такие литературные вкусы.

— Увлекаюсь иногда.

Я не стал говорить ей, что любовные романы любила Делия. Жена частенько приходила ко мне, пока я работал, лежала на софе точно так же, как сейчас Абигейл, куталась в плед и читала, читала, читала... Молча. Иногда хихикала, но спешно извинялась передо мной за шум и замолкала. Все-таки она меня отвлекала — я ею любовался.

Любил, наверное... Теперь от того чувства не осталось и следа. Впрочем, оно погасло уже давно, с тех самых пор, когда у Делии вдруг появилась какая-то другая жизнь, ее собственная, в которой для меня места не находилось. Она начала покупать наряды, за ней стали заезжать автомобили, ночами Делия пропадала неизвестно где, а я ждал и нервничал.

Потом как отрезало. Между нами выросла ледяная стена, растопить которую было невозможно ничем.

Я тряхнул головой, прогоняя воспоминания. Абигейл хмурила тонкие брови, закусив краешек нижней губы, и увлеченно читала любовный роман. Она не взяла другую книгу, оставила эту. Я не знал ее содержания, но когда брови Аби взлетели вверх, а щеки сделались пунцовыми, едва не расхохотался.

Сам я только делал вид, что читал. Взял с полки лирический детектив, шелестел страницами, но не отрывал взгляда от моей помощницы. А помощницы ли? Скорее полноценной коллеги. По документам уж точно.

Абигейл тяжело сглотнула, перевернула страницу. Время от времени я замечал, как она замирала и словно прислушивалась к шорохам с моей стороны. Ради шутки я подался вперед, притворяясь, будто хочу заглянуть в книгу, которую она читает, и Аби резко ее захлопнула.

— Ты меня напугал! — выдохнула она. — Нельзя же так делать, Рэм!

— Мне просто стало интересно, вот и все. В моей книге персонаж по имени Шошук склонился над трупом мужчины в женской юбке... А у тебя что?

— В женской юбке? — скептически переспросила Аби. — Я тебе сразу скажу — его убил серийный маньяк и оставил эдакий «отпечаток».

— Уже читала?

— Эту? — Она склонила голову, прочла название. — Нет. Но в других детективах, если труп находится в необычном, странном состоянии или возле него лежит что-то подозрительное, во всех случаях к финалу ловят серийного маньяка.

Я закрыл книгу с улыбкой.

— Тогда мне больше не интересно. Хочу почитать твою.

Провоцировал. Я вполне осознанно ее провоцировал. Мне нравилась краска смущения на лице Абигейл, и нравилось слышать, как от волнения прерывается ее дыхание. Эротические сцены в романе? Определенно так.

Отказать мне Аби почему-то не могла, или не хотела. Она неуверенно раскрыла книгу, отыскала страницу, на которой остановилась, и села на софе, позволяя мне присоединиться к ней. Я выключил верхний свет, оставил только торшер. Знаю, знаю — читать нужно при ярком свете, но я не собирался этого делать, мне хотелось лишь немного подразнить Абигейл. Интересно, насколько сильно она будет стыдиться читать «те самые» сцены в компании со мной...

Удивился даже я. В первом же абзаце высокий мускулистый мужчина завалил свою невесту на кухонном столе, нисколько не смущаясь присутствующей там же кухарки.

— Бог ты мой, — выдохнул я со смехом.

— Это любовный роман, — напомнила Аби, с нажимом произнесла слово «любовный».

— Он полностью оправдывает свой жанр.

Абигейл поерзала, стащила со спинки плед и завернулась в него.

— Я не буду это читать. Давай поговорим о чем-нибудь? Только не спать. Когда спишь, ночь проходит так быстро. Завтра снова больница, сугробы, вызовы, больница...

— Ковры, — прервал я ее. — Ты хотела взять выходной и постирать шторы, найти мальчишку, чтобы тот почистил ковры.

— Моя просьба о выходном была необдуманной. У нас женщины, раненные туманными тварями, полностью зависят от Дайны. К тому же я вчера обратила внимание на то, чем она их кормит: пустой кашей и стаканом воды! Что-то не так с питанием, и нужно поговорить об этом с нашей кухаркой. Она предупреждала, что продуктов мало, но мы ведь не можем кормить больных только кашей. Они так никогда не поправятся! В общем, дел много.

Я согласно кивнул. Мне без нее будет... скучно. Да, именно это чувство станет меня преследовать весь день — скука. Мне теперь хотелось видеть ее рядом как можно чаще, и, кажется, она заполняет собой все мои мысли.

— Элизия рассказала мне о тебе кое-что. — Аби подоткнула плед под ноги, вся съежилась. — Прости ее, она не хотела говорить, я сама выпытала. Ты был охотником... на черных магов?

Не самая светлая часть моей жизни, но и не самая темная. Все же Элизия не рискнула бы выдать всю мою подноготную.

— Мы договорились — никаких разговоров о чернокнижниках!

— А мы не о них, мы о тебе.

— Хитрая... Я служил во времена студенчества. — Я откинулся на спинку софы, дотянулся до уже остывшего чая на столике, отпил глоток, просто чтобы смочить горло. — В отряд охотников набирали в основном парней-студентов, потому что никто другой в здравом уме не хотел там работать. Платили смешные деньги, которым радовались только те, у кого за душой ни геллера. Охотники часто погибали. Чернокнижники — существа опасные, и хоть они не особенно любят лишать людей жизни, не наложив на них никакого проклятия, они убивают, когда спасаются.

— Не любят убивать? — Аби удивленно открыла рот.

— Я не знаю причин, но знаю, что для каждого черного мага человеческая душа имеет какое-то сакральное значение. Они готовы обещать что угодно, лишь бы человек отдал им право на владение своей душой. Эти самые души отправляются в Темный мир, и что происходит с ними дальше, не знает никто.

— Дамиан говорил, что моя мама собиралась выйти замуж, — прошептала Аби. — Там, в Темном мире. Значит, они живут обычной жизнью?

— Мне не хочется тебя расстраивать, но я сомневаюсь... В любом случае ответа на твой вопрос нет.

Абигейл искоса посмотрела на меня, снова поправила плед и внезапно, по-моему, даже для самой себя, легла на мои колени лицом вверх. Она хлопнула глазами, натянула плед повыше и попросила:

— Рассказывай дальше.

Я замер, перехватив ее взгляд. Даже дыхание задержал, лишь бы ничем не спугнуть Аби. Что, если ей станет неудобно лежать вот так и она отсядет? Моя рука самовольно потянулась к ее волосам. Я пропустил темный блестящий локон между пальцами. В воздухе не было видно искр, но ощущались они каждой клеточкой моего тела. Меня затягивало в водоворот щемящей нежности, я тонул все быстрее и быстрее, пока наконец не достиг дна. Тогда осознал, что мне уже не всплыть.

Абигейл распалила во мне желание касаться ее, а еще хуже — наклониться и поцеловать в пухлые алые губы. Интересно, какие они на вкус? От Аби, от ее волос и одежды обычно пахло яблочной карамелью — какие-то духи? Мне нравился этот запах.

— Рэм.

Я моргнул, наваждение исчезло. Прочистил горло и заставил себя убрать руку от ее головы.

— Думал, с чего начать, — хриплым голосом отозвался я.

— С того, как ты научился лечить все подряд, если получил образование стоматолога.

— Проходил обучение здесь, в Логерделе, с опытными докторами. Я ведь не все пятнадцать лет работаю в одиночку.

— Принимается. — Абигейл прищурилась. — И тебе кажется, что я сумею повторить тв

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.